Испытание огнем

Автор:
Джеймс Дэшнер

Испытание огнем

Джеймс Дэшнер

Бегущий по Лабиринту #2

Лабиринт пройден, но Томасу, Терезе, Минхо и прочим глэйдерам не приходится расслабляться. Таинственное руководство ПОРОКА – секретной организации, устроившей гонки на выживание – назначает ребятам новые, смертельно опасные испытания. На сей раз их ждет переход по раскаленной пустыне и встреча с жертвами неизлечимой болезни, которые отличаются буйным нравом и непредсказуемым поведением.

И словно этого недостаточно, глэйдеры оказываются в сетях предательства. Кому верить, если лучший друг ни с того ни с сего начинает тебя ненавидеть?

Джеймс Дэшнер

Испытание огнем

Посвящается

Уэсли, Брайсону, Кайле и Даллину,

самым лучшим детям на свете.

Глава первая

Зазвучал голос Терезы, и мир распался на части.

«Эй, спишь?»

Томас поерзал в постели. Тьма вокруг царила густая и плотная. Он чуть не поддался панике, решив, будто снова в Ящике – страшном кубе из холодного металла, в котором его доставили в Глэйд. Потом, широко раскрыв глаза, Томас различил тусклый свет и смутные тени в большой комнате: грубые кровати, комоды… Тихо дышали во сне ребята; кто-то смачно храпел.

Слава Богу… Он в безопасности, в бараке. Не надо бояться, здесь нет гриверов. Нет смерти.

«Том?»

Голос девушки звучал прямо в голове, Томас отчетливо его слышал. Хоть и не смог бы никому объяснить, как и почему.

Глубоко выдохнув, он лег. Натянутые нервы успокоились, и Томас ответил: «Тереза? Который час?»

«Без понятия. Мне что-то не спится. Удалось подремать с часок-другой, и все… Подумала, вдруг ты не спишь, поболтали бы…»

Томас сдержал улыбку. Хоть Тереза и не видит его, все равно как-то неловко.

«Ну куда я теперь денусь? Трудно спать, когда в черепушке у тебя чей-то голос».

«Ой, ой… ну и спи себе дальше».

«Да не, все путем».

Томас посмотрел на дно верхней койки над собой (бесформенной в темноте). Там влажно похрипывал Минхо, словно в горле у него скопилось безбожное количество мокроты.

«О чем ты думала?»

«Угадай».

И как ей удается мысленно передавать цинизм?

«Том, мне постоянно снятся гриверы. Скользкие, раздутые, утыканные металлом, шипастые… Из головы такое не выкинешь. Как тут расслабиться!»

Томаса мучили те же образы. Ужас Лабиринта никогда не оставит глэйдеров. Душевные расстройства – если не полное безумие – до конца жизни им обеспечены.

Сильнее других, будто тавро, врезался в память один образ: раненный в грудь Чак умирает у Томаса на руках.

Томас никогда не забудет смерти друга. Терезе он сказал: «Еще чуть-чуть, и убили бы меня».

«Ты это уже сто раз говорил», – ответила Тереза. Глупо, однако Томасу нравилось слышать от нее подобное. Как будто сарказм в ее голосе означал: все будет в порядке.

«Ну и дурень же ты», – ругнул себя Томас, надеясь, что Тереза не слышит его.

«Фигово, что меня от вас отгородили», – послала она Томасу мысль.

Томас, впрочем, понимал, что Терезу убрали от глэйдеров не без причины. Большая часть из них – подростки, шанки, доверять которым нельзя, а Тереза – девушка.

«Тебя защищают».

«Ага, наверное. Просто… – Тоска, смолистыми каплями приставшая к ее словам, проникла в разум Томаса. – Мы столько пережили вместе, и я теперь одна. Фигово…»

«Так куда тебя забрали?»

В голосе Терезы слышалась такая печаль, что Томас чуть не вскочил и не бросился на поиски девушки.

«На другой конец общей столовой. Я в маленькой комнатушке, здесь всего несколько коек. Дверь наверняка заперли».

«Ну вот, говорю же: тебя хотят защитить. – К сказанному Томас поспешил добавить: – Хотя от кого? Я бы поставил на тебя против половины местных шанков».

«Только половины?»

«Ладно, половины и еще четвертинки. Включая меня».

Повисла долгая пауза. Впрочем, Томас чувствовал присутствие Терезы. Словно подруга лежала всего в нескольких футах над ним, как Минхо (пусть Томас его и не видел). И дело отнюдь не в храпе и хрипе. Когда кто-то рядом, ты его чувствуешь.

Томас сам удивился, какое спокойствие наступило, едва пришел сон, несмотря на пережитые за последние несколько недель страхи. Тьма окутала мир, однако ощущение близости Терезы осталось. Она рядом… будто держит его за руку.

Время текло незаметно, подчиняясь каким-то особым законам. В полудреме Томас наслаждался мыслью, что их спасли из ужасного места. Теперь они с Терезой в безопасности и могут заново узнать друг друга. Здорово!

Туманный сумрак. Тепло. Сияние…

Мир растворялся. Все замерло, и в уютной, убаюкивающей темноте Томас погрузился в сон.

Ему годика четыре, может, и пять. Он лежит в постельке, подтянув одеяло к самому подбородку. Рядом, положив руки на колени, сидит женщина: длинные каштановые волосы, на лице только-только обозначились морщинки; в глазах видна грусть. Свои чувства она изо всех сил, безуспешно, пытается скрыть за улыбкой.

Томас хочет заговорить и не может – он не здесь, не в кровати. Он далеко, в ином месте. Женщина открывает рот, и голос ее одновременно сладок и зол. Томасу становится тревожно.

– Не знаю, почему выбрали тебя, но точно знаю другое: ты особенный. Никогда об этом не забывай. И не забывай, как сильно… – Голос ее надламывается, по щекам катятся слезы. – Не забывай, как сильно я тебя люблю.

Мальчик – одновременно и Томас, и не он – отвечает, произносит нечто бессмысленное:

– Ты сойдешь с ума, мамочка? Как говорят по телевизору? Как… как папа?

Женщина запускает пальцы ему в шевелюру. Женщина ли? Нет, его мать. Мамочка.

– Не бойся, родной, – отвечает она. – Ты этого не увидишь.

Улыбка на ее губах тает.

* * *

Томас опомниться не успел, как сон растворился в темноте, оставив его в водовороте мыслей: правда ли новое воспоминание выплыло из бездны амнезии? Правда ли Томас увидел мать? Он что-то говорил о безумии отца… Глубоко в душе проснулась острая боль, и Томас поспешил нырнуть обратно в забвение.

Сколько еще прошло времени, он сказать не мог. Позднее Тереза опять связалась с ним: «Том, что-то не так…»

Глава вторая

С этих слов Терезы все и началось.

Голос девушки прозвучал будто с противоположного конца гулкого тоннеля. Томас попробовал пробудиться, но сон – это коварное, густое и вязкое состояние-ловушка – не отпустил. Томас уже осознал себя в мире яви, однако усталость не давала выбраться из него полностью.

«Томас!»

В голове будто скребли острыми когтями. Ощутив крохотный укол страха, Томас решил: все это сон. Да, сон. Они в безопасности, бояться не надо. Терезе ничто не угрожает, и можно спать дальше. Расслабившись, он поддался дремоте.

Послышались иные звуки: удары, металлический звон, грохот, крики друзей… В сознание Томаса они проникали эхом, далеким и приглушенным. Крики стали пронзительней, возвещая о запредельной боли. Томас лежал, словно укутанный в кокон из темного бархата.

Погодите… Так быть не должно. Что говорила Тереза?

Борясь со сном, который мертвым грузом тянул вниз, Томас мысленно прокричал: «Подъем! Просыпайся!»

Чего-то не хватает, как будто из тела похитили важный орган. Тереза! Тереза пропала. Томас ее больше не чувствовал!

«Тереза! Тереза, отзовись!»

Ушло теплое чувство ее присутствия. Подруга не отвечала, и Томас, продолжая бороться со сном, вновь и вновь выкрикивал ее имя.

Тьма рассеялась, уступив место реальности. Объятый ужасом, Томас резко сел на кровати, потом спрыгнул на пол и огляделся.

Вокруг царил хаос.

Глэйдеры с воплями метались по бараку. Звучали дикие, страшные, какие-то нереальные крики, словно на бойне. Фрайпан, бледный, указывал на окно; Ньют и Минхо неслись к двери. Уинстон обхватил прыщавое лицо руками, как будто увидел жрущего живую плоть зомби. Другие глэйдеры, пихаясь и толкаясь, лезли к окнам, держась от них, впрочем, на почтительном расстоянии. А Томас внезапно понял, что не знает по имени практически никого из двадцати выживших в Лабиринте парней. Не самая уместная мысль в разгар хаоса…

Уловив краем глаза движение, Томас обернулся посмотреть – и всякое ощущение покоя и безопасности испарилось. Как вообще оно могло родиться? В таком-то мире!

В трех футах от кровати Томас увидел окно. Разбитое, занавешенное пестрой шторкой. За ним горел ослепительно яркий свет, и за прутья решетки окровавленными руками цеплялся человек: выпученные, налитые кровью глаза, на смуглом лице струпья и язвы; волос нет – только пучки, похожие на зеленоватый мох. На правой щеке отвратительная живая рана, сквозь которую видны зубы. С подбородка свисают нити розоватой слюны.

– Я шиз! – орал ходячий ужас. – Черт, я шиз!

Брызгая слюной, он принялся выкрикивать снова и снова:

– Убейте меня! Убейте! Убейте…

Глава третья

Томаса хлопнули по плечу. Вскрикнув, он обернулся. Рядом Минхо тоже смотрел на сумасшедшего.

– Зомби повсюду, – мрачно произнес куратор бегунов. Давешние надежды растаяли. – Наших «спасителей» и след простыл.

Томас привык жить в страхе и напряжении, но это уже слишком. Ощутить надежду – и сразу лишиться ее? Томас поскорее прогнал мимолетное желание уткнуться в подушку и расплакаться. Отрешившись от непроходящей боли и тоски по дому, от мыслей о безумии отца, он понял: нужен лидер и план. Иначе кошмар этой ночи не пережить.

– Внутрь еще не проникли? – ощутив странное спокойствие, спросил Томас. – Решетки есть на всех окнах?

Минхо кивнул на длинную стену.

– Ага. Прошлой ночью мы решеток и не заметили, было слишком темно. Да еще эти занавески с рюшечками… Никогда бы не подумал, что обрадуюсь решеткам на окнах.

Одни глэйдеры перебегали от окна к окну, прочие сбивались в кучки. На лицах у всех читалось смешанное выражение неверия и страха.

– Где Ньют?

– Здесь я.

Томас обернулся и увидел старшего. И как сразу не заметил?

– В чем дело?

– Типа я знаю! Пришли какие-то психи и решили слопать нас на завтрак. Надо перебраться в другую комнату и созвать Совет. Ну и шум, будто гвозди в башку вколачивают.

С отсутствующим видом Томас кивнул. Он-то надеялся, что Ньют и Минхо обо всем позаботятся, а сам он тем временем попытается связаться с Терезой. Хоть бы ее предупреждение оказалось частью сна, бредом уставшего разума. Да еще образ матери не дает покоя.

Двое его друзей отправились собирать глэйдеров. Томас робко глянул на окно, в котором видел обезумевшего человека, и тут же отвернулся. Хватит на сегодня крови, растерзанной плоти и безумия в налитых краснотой глазах, истерических призывов: «Убейте меня! Убейте! Убейте!..»

Отойдя к противоположной стене, Томас привалился к ней и мысленно позвал: «Тереза! Тереза, где ты?»

Закрыв глаза, он сосредоточился. Мысленно протянул невидимые руки, желая нащупать хоть какой-нибудь след. Ничего, тщетно. Ни малейшего ощущения, что Тереза по-прежнему рядом. Ни намека на ответ с ее стороны.

«Тереза, – настойчивей позвал Томас, стиснув зубы. – Где ты? Что с тобой?»

Опять ничего. Сердце замедлило ход и, казалось, вот-вот остановится. Томас будто проглотил большой комок ваты. Тереза в беде.

Глэйдеры тем временем успели собраться у зеленой двери, ведущей в столовую, где накануне они уплетали пиццу. Минхо без толку дергал за медную ручку.

Остальные двери вели в душевую и кладовку – тупиковые комнаты, куда можно было попасть только из спальни. На окнах стояли решетки, и слава Богу, потому что в каждое ломились вопящие безумцы.

Тревога растекалась по венам словно кислота. Томас бросил попытки связаться с Терезой и присоединился к товарищам. Ньют решил сам открыть дверь. Безуспешно.

– Заперто, – сообщил он, безвольно опустив руки.

– Спасибо, кэп, – заметил Минхо, сложив на груди могучие клешни. (На мгновение Томас увидел, как кровь пульсирует во вздувшихся венах.) – Ты просто гений, не зря тебя назвали в честь Исаака Ньютона. Поражаюсь твоей проницательности.

Ньют был не в настроении шутить или же давно привык игнорировать ядовитые колкости Минхо.

– Ломаем ручку на хрен. – Он огляделся, будто ожидал, что ему подадут кувалду.

– Когда эти шизы стебанутые умолкнут?! – проорал Минхо, глядя на ближайшего из сумасшедших, женщину: через все лицо, до самого виска, у нее тянулась жуткая рана.

– Шизы? – переспросил Фрайпан.

До сего момента волосатого повара Томас не замечал. Тот словно таился, напуганный еще больше, чем перед схваткой с гриверами. Неизвестно, что хуже. Засыпая прошлой ночью, ребята надеялись: все, конец, беды завершились. Да-а… страшно вот так резко лишиться покоя.

Минхо указал на окровавленную женщину.

– Они сами себя так зовут.

– Шизы-мызы… – отрезал Ньют. – Найди что-нибудь сломать эту чертову дверь!

– Держи, – произнес невысокий паренек, протягивая Ньюту узкий баллон огнетушителя. Похоже, снял со стены. И вновь Томас пожалел, что не знает по имени практически никого, даже вот этого паренька.

Ньют замахнулся, готовый сбить ручку вместе с замком, и Томас подобрался как можно ближе к нему. Не терпелось увидеть, что за дверью. Скорее всего хорошего там мало.

Ньют ударил. Раздался громкий треск, что-то хрустнуло внутри двери. Ньют саданул по ручке еще раза три и выломал ее вместе с креплением. Зазвенели, падая на пол, металлические детали. Дверь тихонько приоткрылась.

Ньют смотрел на длинную узкую полосу тьмы так, словно из нее вот-вот вылетят демоны. Затем, не глядя, вернул огнетушитель безымянному пареньку.

– Пошли, – скомандовал Ньют слегка дрогнувшим голосом.

– Погодите, – остановил глэйдеров Фрайпан. – Нам точно надо выходить? Может, дверь не зря была заперта?

Логично. Томаса тоже терзали дурные предчувствия.

Минхо встал подле Ньюта и посмотрел на Фрайпана, затем – прямо в глаза Томасу.

– А что еще делать прикажешь? Сидеть и ждать, пока вломятся шизы? Айда.

– Решетки крепкие, – резко ответил Фрайпан. – Есть время подумать.

– Нет, время вышло. – Минхо ногой распахнул дверь, и тьма за ней, казалось, стала гуще. – И вообще, чего ты молчал, пока мы ломали замок? Башка твоя дурья! Теперь уже поздно.

– Лучше б ты ошибался, – вполголоса пробурчал Фрайпан.

Томас едва мог оторвать взгляд от чернильной тьмы в соседнем помещении. Что-то не так, говорило до боли знакомое предчувствие. Иначе «спасители» давно бы пришли. Но Минхо и Ньют правы: нельзя отсиживаться в спальне, надо искать объяснение случившемуся.

– К черту, – сказал Минхо. – Я первым пойду.

Не дожидаясь ответа, он шагнул в темноту и сию же секунду в ней растворился. За ним пошел Ньют – напоследок он нерешительно глянул на Томаса, и тот понял: ему идти третьим.

Шаг за шагом Томас, вытянув перед собой руки, углублялся во тьму общей столовой.

Бьющий в спину свет нисколько не освещал комнату. С тем же успехом можно было идти, крепко зажмурившись.

Как же воняет, просто ужас!

Где-то впереди вскрикнул Минхо.

– Аккуратней! – предупредил он идущих сзади. – С потолка свисает какая-то… фигня.

Раздался звук, похожий на стон – будто Минхо головой задел люстру. Где-то справа захрипел Ньют, и послышался скрежет металла по полу.

– Столы, – подал голос Ньют. – На столы не наткнитесь.

Сразу за Томасом шел Фрайпан.

– Вы помните, где выключатель?

– Как раз к нему иду, – ответил Ньют. – Видел его где-то здесь.

Томас слепо шагал вперед. Глаза чуть привыкли к темноте, и там, где прежде стояла сплошная черная стена, обозначились тени на фоне других теней. И все-таки что-то было не так… Вещи вроде стояли на местах.

– Фу-ху-ху-у! – Минхо впереди плевался, словно наступил в кучу кланка.

Снова что-то скрипнуло.

Не успел Томас спросить, в чем дело, как сам врезался лбом во что-то твердое, бесформенное и обернутое тканью.

– Нашел! – крикнул Ньют.

Несколько раз щелкнуло, и комнату затопил свет флуоресцентных ламп. Ослепнув и протирая глаза, Томас поспешил отойти от одного бесформенного предмета и тут же ударился о другой.

– Ни хрена себе! – проорал Минхо.

Томас через силу открыл глаза и, когда зрение вернулось, увидел ужасную сцену.

По всей комнате висели трупы. В раздутые, побагровевшие шеи впивались скрученные веревки; бледно-розовые языки вывалились из посиневших ртов. Висельники смотрели на глэйдеров невидящими глазами, в которых читалась обреченность. Они провисели здесь самое большее несколько часов.

Узнав кого по лицам, кого по одежде, Томас упал на колени.

Совсем недавно, прошлым вечером эти люди спасли глэйдеров из Лабиринта.

Глава четвертая

Стараясь не смотреть на трупы, Томас на подгибающихся ногах отошел к Ньюту. Тот все еще стоял у ряда выключателей, его полный ужаса взгляд метался от одного висельника к другому.

Ругаясь вполголоса, подошел Минхо.

В столовой собрались остальные глэйдеры. При виде покойников кто-то вскрикнул, кто-то проблевался. Томас и сам ощутил, как подступает к горлу тошнота.

Что случилось? Как быстро все встало с ног на голову! От отчаяния желудок сжался в тугой комок.

Тереза, вспомнил Томас.

«Тереза! Тереза! – звал он, закрыв глаза и стиснув зубы. – Отзовись!»

– Томми, – позвал Ньют, хватая Томаса за плечо. – Какого хрена, что с тобой?

Оказывается, Томас, согнувшись пополам, обхватил себя руками поперек живота. Медленно выпрямившись, он попытался прогнать грызущее изнутри чувство тревоги.

– Сам… как думаешь? Оглядись.

– Ясен пень. Просто я решил, что у тебя приступ какой-нибудь…

– Нет-нет, я в порядке хотел только поговорить с Терезой. – На самом деле Томас чувствовал себя отвратительно, и у него не было желания напоминать всем о телепатической связи с Терезой. Раз спасители мертвы… – Надо срочно выяснить, куда ее дели, – буркнул он, радуясь, что есть чем занять мозг и отвлечься.

Стараясь не присматриваться к висельникам, Томас оглядел столовую в поисках еще одной двери. Где же комната Терезы? Она говорила, что ее заперли напротив общей спальни.

Ага, есть – желтая дверь с медной ручкой.

– Он прав, – согласился Минхо. – Разойтись! Ищите ее!

– Кажется, нашел. – Томас, поражаясь, как быстро удалось вернуть присутствие духа, побежал к желтой двери, лавируя между повешенными и столами. Тереза должна быть в той комнате цела и невредима, как и глэйдеры. Дверь закрыта – добрый знак. Возможно, даже заперта. Сама Тереза скорее всего провалилась в глубокий сон, как и Томас, и потому не отвечала на мысленные призывы.

У самой двери он вдруг вспомнил, что понадобится инструмент – сломать замок и ручку.

– Принесите огнетушитель! – попросил он и чуть не сблевал: от запаха в столовой желудок выворачивало наизнанку.

– Уинстон, сбегай! – скомандовал Минхо за спиной Томаса.

До двери Томас добежал первым. Дернул за ручку – та не шелохнулась, дверь была заперта накрепко. Справа от нее Томас заметил квадратную табличку из прозрачного пластика со стороной дюймов в пять; под ней имелся листок бумаги с печатной надписью: «Тереза Агнес. Группа «А», субъект А-1. Предатель».

Как ни странно, больше всего остального вниманием Томаса завладела фамилия Терезы. То есть фамилия, которую ей присвоили. Агнес. Хотя чего удивляться? Тереза Агнес. Обрывочные познания в истории, амнезия не позволяли вспомнить никого известного с такой же фамилией. Сам Томас получил имя в честь великого изобретателя Томаса Эдисона. А Тереза Агнес?… Нет, имя совсем незнакомое.

Конечно, имена глэйдеров скорее шутка Создателей, призванная еще больше отдалить подростков от их личностей, от родителей. Томас не мог дождаться дня, когда узнает свое настоящее имя. Имя, навсегда запечатленное в умах его отца и матери, – не важно, кто они и где сейчас.

Обретя во время Метаморфозы клочья памяти, Томас уверился, что у него нет любящих родителей. И кто бы они ни были, ребенок он нежеланный. Его будто спасли из жуткой передряги. Теперь он отказывался верить в подобное, особенно после сна о матери.

– Але! – Минхо пощелкал пальцами перед носом у Томаса. – Кому спишь? Здесь тебе не тут! Кругом мертвецы и воняет, как у Фрайпана под мышками. Проснись!

– Извини, – посмотрел на него Томас. – Я задумался. Странная фамилия у Терезы – Агнес.

Минхо цокнул языком.

– Кого колышет? Странно, что ее назвали Предателем.

– И что за Группа «А» и субъект А-1? – спросил Ньют, передавая Томасу огнетушитель. – Ладно, забудем пока. Ломай эту стебанутую дверь.

Приняв огнетушитель, Томас внезапно разозлился сам на себя. Тереза за дверью, ей нужна помощь, а он теряет бесценные секунды, размышляя над

дурацкой надписью! Перехватив красный цилиндр покрепче, Томас саданул по дверной ручке. Лязгнуло, по рукам прошлась волна отдачи, но замок уже готов был сдаться. Томас добил его двумя ударами – ручка выпала на пол, и дверь приоткрылась на пару дюймов.

Отбросив огнетушитель, Томас распахнул ее и – со смесью страха и дурного предчувствия в сердце – первым шагнул в освещенную комнату.

Это была уменьшенная копия барака для мальчиков: всего четыре двухъярусные кровати, два комода и дверь в уборную. Все кровати в образцовом порядке за исключением одной: одеяло отброшено, подушка свисает через край, простыня смята. И ни следа Терезы.

– Тереза! – закричал Томас, и горло перехватило от паники.

За дверью кто-то смыл воду в унитазе, и Томас, ощутив громадное облегчение, чуть не упал. Тереза здесь, цела! Томас бросился было к ней, однако Ньют вовремя схватил его за руку.

– Это тебе не комната для мальчиков, – напомнил он. – В дамскую уборную не принято ломиться. Погоди, подружка сама выйдет.

– И еще неплохо бы созвать сюда всех на Совет, – добавил Минхо. – Не воняет, и шизов не слышно.

Томас только сейчас заметил, что окон в спальне для девочек нет. Хотя должен был сразу уловить разницу между этой комнатой и бараком, пребывающем в хаосе. Шизы… Томас и думать о них забыл.

– Что-то она долго, – пробормотал он.

– Пойду приведу остальных, – сказал Минхо, развернулся и вышел в столовую.

Ньют, Фрайпан и еще несколько глэйдеров прошли в глубь комнаты и расселись кто где. Язык тела каждого выдавал сильную тревогу и напряжение: локти на коленях, ладони трутся друг о друга, взгляд устремлен в пустоту.

«Тереза? – неотрывно глядя на дверь уборной, позвал Томас. – Слышишь меня? Мы тут, ждем тебя».

Томас ощутил, как растет внутри его пузырь пустоты, словно Терезы нет и не было.

Замок щелкнул, и дверь начала открываться. Томас, позабыв о присутствующих, пошел навстречу Терезе, готовый обнять ее… но вышла к нему не Тереза. Застыв на полушаге, Томас чуть не упал. Внутри все оборвалось.

Из уборной вышел парень: чистая пижама (рубашка и синие фланелевые штаны), смуглая кожа, странная короткая стрижка и такой невинный взгляд, что Томас сразу передумал хватать шанка за грудки и трясти, добиваясь ответов.

– Ты кто такой? – спросил Томас, не потрудившись смягчить тон.

– Кто я такой? – немного саркастично переспросил парень. – Это ты кто такой?!

Вскочив на ноги, Ньют подошел к нему и встал даже ближе, чем Томас.

– Ты давай не путай зеленое с кислым, – пригрозил он. – Нас больше. Говори: кто таков?

Сложив руки на груди, парень с вызовом посмотрел на Ньюта.

– Ладно, меня зовут Эрис. Что еще?

Ух, врезать бы ему. Строит из себя крутого, а им надо Терезу искать.

– Как ты здесь оказался? В этой комнате ночевала девушка. Где она?

– Девушка? Какая еще девушка? Меня сюда вчера устроили, и я спал один.

Указав на выход в столовую, Томас произнес:

– У двери есть табличка, на ней написано: комната принадлежит Терезе… Агнес. И ни слова про шанка по имени Эрис.

Должно быть, сейчас парень понял, что с ним не в игры играют. Примирительно выставив перед собой руки, он ответил:

– Чувак, я без понятия, о чем ты. Меня заперли, я спал вон на той кровати, – он ткнул пальцем на мятую постель, – а минут пять назад проснулся и пошел отлить. Про Терезу Агнес никогда не слышал. Ты уж извини.

Радости как не бывало. Теперь можно окончательно впадать в отчаяние. Растерянный, Томас обернулся к Ньюту.

Пожав плечами, тот спросил у Эриса:

– Кто тебя здесь устроил?

Парень всплеснул руками.

– Если б я знал, чувак! Какие-то люди с пушками спасли нас и сказали, типа все будет хорошо.

– Спасли откуда? – спросил Томас. Как же это все странно. Очень, очень странно.

Эрис потупил взгляд и опустил плечи. Казалось, он вспоминает о чем-то ужасном. Вздохнув, парень посмотрел на Томаса и ответил:

– Из Лабиринта, чувак. Из Лабиринта.

Глава пятая

Томас успокоился. Эрис не врет, это видно по тому, с каким ужасом он говорит о Лабиринте. Пережив подобный страх, Томас замечал его во взгляде друзей. И еще: Эрис и правда понятия не имеет, где Тереза.

– Присядь-ка, – сказал Томас. – Есть серьезный разговор.

– О чем? Вы вообще кто такие, парни? Откуда пришли?

– Лабиринт, – усмехнулся Томас. – Гриверы, ПОРОК. Все в ассортименте.

Столько всего произошло, столько забот навалилось. С чего начать? Из-за пропажи Терезы голова идет кругом… Томасу хотелось выбежать на улицу, искать ее.

– Вы врете, – шепотом сказал побледневший Эрис.

– Вовсе нет, – ответил Ньют. – И Томми прав: разговор будет серьезный. По ходу дела, мы из отдельных, но похожих мест.

– А он – кто?

Обернувшись, Томас увидел в дверном проеме Минхо – тот привел остальных глэйдеров. Парни стояли, наморщив носы, явно пораженные и напуганные зрелищем в столовой.

– Минхо, это Эрис, – чуть отступив в сторону, представил новичка Томас. – Эрис, это Минхо.

Минхо буркнул в ответ что-то невнятное.

– Так, – произнес Ньют. – Давайте снимем верхние койки и расставим их вдоль стен, чтобы каждому досталось место, и поговорим. Надо же разобраться, что за хрень такая творится.

– Нет, – покачал головой Томас. – Сначала надо отыскать Терезу. Она должна быть в одной из соседних комнат.

– Фигня, не катит, – возразил Минхо.

– В смысле?

– Я тут все обегал. Есть большая столовка, наша спальня, эта комната и двери наружу – через них мы вчера вошли. Двери заперты на замки и цепи, так что смысла искать Терезу в бараке нет. Больше выходов отсюда ты не найдешь.

Сбитый с толку, Томас тряхнул головой. В мозгу словно сплели паутину миллион пауков.

– Но… как же вчерашний вечер? Откуда еда? Никто не видел других комнат, кухню?

Он огляделся в поисках поддержки – никто не ответил.

– Наверное, здесь есть потайной ход, – предположил Ньют. – В конце концов одновременно мы можем заниматься только одним делом. И прямо сейчас…

– Нет! – вскричал Томас. – С Эрисом после поговорим, никуда он не денется. Табличка у двери сообщает, что в комнате держали Терезу, – и надо ее найти!

Не дожидаясь ответа, он протолкался через толпу глэйдеров и вышел в столовую. Трупный смрад окружил его словно поток канализационных нечистот. Раздувшиеся тела висели под потолком, как туши добытых охотником диких животных. Мертвые глаза слепо смотрели на Томаса.

В животе проснулось знакомое чувство тошноты. Закрыв глаза, Томас усилием воли заставил желудок успокоиться, а после, стараясь не смотреть на висельников, принялся искать следы Терезы.

В голову пришла ужасная мысль: что, если ее…

Томас взглядом пробежался по лицам повешенных – и нигде не нашел Терезы. Волна облегчения смыла родившуюся было панику, и Томас вновь сосредоточился на комнате. Стены покрыты обычной белой штукатуркой: гладкие, никаких украшений, ни единого окна.

Скользя ладонью по стене слева, Томас двинулся по периметру. Миновал дверь в спальню для мальчиков, большой парадный вход. Накануне прошел сильный ливень, но теперь погода стояла сухая – если учесть солнце, светившее в спину

тому шизу в окне.

Вход – или выход? – состоял из двух огромных металлических дверей с гладкой поверхностью. Они и впрямь запирались на цепь толщиной в дюйм, продетую через ручки, туго натянутую и закрытую на два больших замка. Томас потрогал холодный металл цепи – та сидела крепко, не поддалась ни на йоту.

Томас ожидал, что в двери ломятся шизы – точно как в окна спальни, – но снаружи стояла тишина. Единственное – долетали приглушенные вопли психов через спальню, да бормотание глэйдеров из комнаты Терезы.

Расстроенный, Томас пошел дальше. Стены, оказалось, имели даже не прямоугольную, а овальную форму. В столовой совсем не было углов.

Окончательно сбитый с толку, Томас завершил обход. Он попытался вспомнить, как предыдущим вечером глэйдеры, умирая с голоду, ели здесь пиццу. Где другие двери? Например, в кухню? Чем сильнее Томас старался воссоздать в уме детали, тем более размытыми, туманными они становились. В голову пришла тревожная мысль: если прежде глэйдерам промывали мозги, то и на сей раз воспоминания могли подбросить фальшивые.

И что стало с Терезой?

В отчаянии Томас уже хотел проползти по столовой на брюхе, отыскать потайной люк в полу, однако больше ни минуты не мог находиться в одном помещении с гниющими трупами. Оставалась единственная зацепка – новичок. Томас развернулся в сторону спаленки, где Эрис и обнаружился. Новенький должен знать что-то, что поможет прояснить ситуацию.

По приказу Ньюта глэйдеры разобрали двухъярусные кровати и расставили койки вдоль стен – теперь места хватало на всех. Девятнадцать парней расселись лицом друг к другу.

Увидев Томаса, Минхо указал на свободное место подле себя.

– Говорил же, чувак: сядь, перетрем. Без тебя не начинаем. Только сначала закрой на фиг эту дверь! Воняет хуже, чем ноги Галли.

Молча Томас закрыл за собой дверь и присел на отведенное ему место. Хотелось уронить голову на руки. Томас не знал, в опасности ли Тереза. Объяснений ее исчезновению можно подобрать миллион.

Ньют сидел на кровати справа, на самом краешке, чуть не падая.

– Короче, обсуждаем ситуацию и переходим к настоящей проблеме: где раздобыть хавчик.

При слове «хавчик» желудок Томаса заурчал. О еде-то он и не подумал. Если с водой порядок – в уборной ее предостаточно, – то пищи нет и в помине.

– Точно, – сказал Минхо. – Эрис, говори. Все выкладывай.

Новичок сидел как раз напротив Томаса. Двое глэйдеров по обе стороны от него отодвинулись к краям койки.

– Ну уж нет, – покачал головой Эрис. – Вы первые.

– Серьезно? – ответил Минхо. – Вот как наваляем тебе сейчас. Все, по очереди. А после снова попросим говорить.

– Минхо, – строгим голосом одернул его Ньют. – Незачем…

– Да ладно, чувак! – Минхо указал на Эриса: – Он сто пудов один из Создателей. Его ПОРОК прислал следить за нами. Вдруг это он прикончил наших спасителей? Двери заперты, никто посторонний войти не мог! Новенький достал уже понтоваться. Нас двадцать, он один. Пусть первым говорит.

Томас застонал про себя. Эрис ни за что не расколется под угрозами Минхо. Ньют, вздохнув, обратился к новичку:

– Минхо прав. Расскажи, как ты выбрался из чертова Лабиринта. Мы сами через него прошли, но тебя не видели.

Потерев глаза, Эрис посмотрел на Ньюта.

– Ладно, слушайте. Меня закинули в гигантский Лабиринт из каменных стен, а до того я ничего не помню. Память стерли, оставили одно имя. Я жил там с девчонками: их где-то полсотни было, – единственный парень. Пару дней назад мы сбежали оттуда, и люди, которые помогли нам, устроили нас в спортзале. Прошлой ночью меня перевели сюда и ничего не объяснили. Вы сами-то как в Лабиринте оказались?

Последние слова Эриса потонули в удивленных возгласах. Эрис рассказал о быте, схожем с их собственным, так легко, словно описал прогулку на пляж. Не может быть, безумие! Но… если это правда, то вещи куда сложнее, чем кажутся, масштабнее. К счастью, Ньют высказал вслух то, что Томас пытался сформулировать:

– Погоди. Вы жили в огромном Лабиринте, на ферме, за стенами, которые каждую ночь закрывались? Ты и несколько десятков девчонок? Ты знаешь о тварях, гриверах? Тебя прислали на ферму последним? И все с ума посходили, так? При тебе была записка с предупреждением, и ты несколько дней провалялся в коме?

– Э-э-э! – произнес Эрис еще до того, как Ньют закончил перечислять предполагаемые события. – Откуда ты знаешь? Как…

– Все это один, бодать его, эксперимент, – заключил Минхо, утратив всякую агрессивность. – Или еще что… У них были девки и один пацан, а у нас пацаны и одна девка. ПОРОК затеял два параллельных теста!

Такого расклада Томас не исключал. Наконец он успокоился и спросил у Эриса:

– Тебя называли провокатором?

Расстроенный не меньше остальных глэйдеров, Эрис кивнул.

– Ты умеешь… – Томас не договорил. Казалось, произнося эти слова, он признается миру в своем безумии. – Ты умеешь мысленно общаться с кем-нибудь из девчонок? Ну, как телепаты?

Эрис впился в Томаса таким взглядом, будто глэйдер только что раскрыл темнейший из секретов, известный лишь двоим.

«Слышишь меня?»

Томас решил, что Эрис говорит вслух, но губы новичка не двигались.

«Слышишь?» – повторил Эрис.

Чуть помедлив, Томас сглотнул и ответил: «Да».

«Ее убили, – продолжил Эрис. – Убили мою подругу».

Глава шестая

– В чем дело? – спросил Ньют, переводя взгляд с Томаса на Эриса. – Сидите смотрите друг на друга как голубки влюбленные.

– Он как я, – ответил Томас, по-прежнему глядя на Эриса. Его последние слова о смерти телепатического партнера ужаснули Томаса.

– В каком смысле? – спросил Фрайпан.

– Сам не видишь? – подал голос Минхо. – Новенький тоже уродец типа Томаса и Терезы. Они без слов общаются.

– Серьезно? – Ньют уставился на Томаса.

Кивнув, тот уже хотел мысленно задать вопрос Эрису, однако в последний момент передумал и произнес вслух:

– Кто ее убил? Как это произошло?

– Кто кого убил? – растерялся Минхо. – При нас давайте без кланка в духе вуду.

Томас, ощутив, как наворачиваются слезы, отвел взгляд от Эриса и посмотрел на Минхо.

– У него, как и у меня, был партнер. В смысле… у меня он еще есть. Эрис говорит, его партнера убили, и я хочу выяснить кто.

Эрис уронил голову и как будто закрыл глаза.

– Я точно не знаю, кто они. Все перепуталось… Я плохих от хороших не отличал. Кто-то заставил Бет… зарезать… мою подругу. Ее звали Рейчел, и она мертва. Мертва!

Эрис спрятал лицо в ладони.

Непонимание сделалось просто невыносимым. Все говорило за то, что Эрис прибыл из иной версии Лабиринта, устроенного примерно как Лабиринт Томаса, только предназначенного для девчонок и одного парня. Эрис у них – как Тереза у глэйдеров, а Бет – за Галли, убившего Чака. Так может, Галли должен был метнуть нож в Терезу?

Тереза… Где она сейчас? Чего ради сюда запихнули Эриса? Головоломка, чуть было не сложившаяся в четкий рисунок, вновь распалась на кусочки.

– Как ты здесь очутился? – спросил Ньют. – Где девчонки, о которых постоянно говоришь? Сколько их сбежало? Тебя к нам одного отправили или вместе с общиной?

Томас невольно пожалел Эриса: такой допрос после всего пережитого. А если бы Тереза и Чак поменялись ролями… Смерть Чака и без того больно ранила.

«Больно ранила? – сам себя спросил Томас. – Или едва не убила?»

Томас чуть не заорал в голос. Так хреново сделалось в этом мире.

Эрис наконец оторвал взгляд от пола и без малейшего стыда утер слезы. Томас проникся к пареньку внезапной симпатией.

– Послушайте, – обратился к глэйдерам Эрис. – Я не меньше вашего запутался. Со мной девчонок спаслось человек тридцать. Потом нас спрятали в спортзале, накормили, отмыли. Меня на ночь заперли в этой комнате. Типа я парень и спать должен отдельно от девочек. А тут вы, шпеньки, нарисовались, вот и все.

– Шпеньки? – переспросил Минхо.

Эрис покачал головой.

– Забей. Я сам не успел понять, что это значит. Просто меня так обозвали девчонки.

Чуть улыбнувшись, Минхо взглянул на Томаса. Видать, оба лагеря изобрели собственный сленг.

– Ну-ка, ну-ка, – произнес один из глэйдеров за спиной у Эриса. – Что это у тебя черное на шее? Прямо под воротником?

Эрис попытался заглянуть себе под пижаму, но, ясное дело, не смог.

– А что там?

Когда он завертел головой, стала видна черная линия: жирная надпись, тянущаяся от впадины над ключицей.

– Дайте-ка посмотреть, – сказал Ньют, вставая с места и подходя к Эрису. При этом его хромота (о происхождении которой Томас так и не узнал) проявилась сильнее обычного. Отдернув воротник Эрисовой пижамы, он прищурился, будто не веря собственным глазам. – Татуировка.

– Что она значит? – спросил Минхо, вставая с кровати и подходя ближе.

Ньют не ответил, и Томас, сгорая от любопытства, сам вскочил с места и встал рядом с Минхо. Наклонившись, он разглядел неаккуратные буквы:

«Собственность ПОРОКа. Группа «В», субъект В-1. Партнер». Сердце пропустило один удар.

– Как это понимать? – спросил Минхо.

– Что написано-то? – заговорил Эрис, щупая рукой кожу на шее и оттягивая воротник. – Зуб даю, вчера татухи не было!

Ньют прочитал для него надпись.

– Собственность ПОРОКа? Я думал, мы сбежали от них. И вы – тоже. А, ладно…

Явно разочарованный, Ньют вернулся на свое место.

– И почему ты Партнер? – поинтересовался Минхо, все еще глядя на татуировку.

Эрис покачал головой.

– Без понятия. Честно. Вчера татухи не было. Я ведь душ принимал и в зеркало смотрелся. И потом, в Лабиринте все равно бы ее обнаружили.

– Хочешь сказать, татуху тебе набили во сне? – спросил Минхо. – И ты не заметил? Гонишь, чувак!

– Клянусь, ее не было! – вскричал Эрис и отправился в ванную, желая, наверное, собственными глазами увидеть надпись.

– Ни хрена ему не верю, – прошептал Минхо, когда они с Томасом возвращались на место. Опускаясь на кровать, куратор наклонился, и Томас заметил у него на шее черную полосу.

– Ого!

– Что такое? – Минхо посмотрел на Томаса так, словно у того на лбу выросло третье ухо.

– У… у тебя на шее, – совладав с собой, заговорил Томас. – У тебя на шее та же фигня!

– Какого кланка? Что ты несешь? – Минхо отдернул воротник пониже и скривился, пытаясь заглянуть под него.

Томас шлепнул его по руке и сам оттянул ворот пижамы.

– Сра… На том же месте! Все точно так же, только…

Томас про себя прочел надпись: «Собственность ПОРОКа. Группа «А», субъект А-7. Лидер».

– Чувак, да что там?! – не выдержал Минхо.

Большая часть глэйдеров скучковалась за спиной у Томаса, нетерпеливо толкаясь в попытках разглядеть таинственную татуировку. Томас быстро прочитал для них надпись вслух. Как ни странно, получилось без единой запинки.

– Хватит мне мозги крутить! – Минхо вскочил и, протолкавшись через толпу, направился к Эрису в ванную.

В следующий миг началось настоящее безумие. Ребята принялись оттягивать друг у друга воротники пижам.

– Мы все из группы «А».

– Мы тоже собственность ПОРОКа.

– Ты субъект А-13.

– Субъект А-19.

– А-3.

– А-10.

Томас медленно поворачивался на месте, глядя, как ребята читают татуировки друг у друга на шеях. У многих в тексте было только обозначение собственности ПОРОКа, без дополнительного ярлыка, как у Минхо и Эриса.

Ньют переходил от одного глэйдера к другому. От напряжения лицо у него сделалось каменным, будто парень силился запомнить текст каждой татуировки. Неожиданно Ньют и Томас оказались лицом к лицу.

– Что выбито у меня на шее? – спросил Ньют.

Отдернув воротник его пижамы, Томас прочитал:

– Ты субъект А-5 и зовешься ты Клеем.

– Клеем?!

Отпустив Ньюта, Томас отступил на шаг.

– Ага. Может, ты типа как клей, объединяешь нас? Не знаю… А что у меня? Прочти-ка.

– Уже прочел…

На лице у Ньюта появилось странное выражение. Он как будто хотел утаить страшную новость.

– Ну же, говори.

– Ты субъект А-2. – Ньют потупил взгляд.

– И?… – надавил Томас.

Помявшись, Ньют закончил, не поднимая глаз:

– Тебя никак не назвали. Только… тебя должна убить Группа «В».

Глава седьмая

Томас еще пытался определиться, что испытывать, страх или смущение, как вдруг зазвучала сирена. Инстинктивно зажав уши руками, он огляделся.

Увидев недоумение на лицах товарищей, он вспомнил: тот же сигнал раздался в Глэйде с прибытием Терезы. Здесь, в замкнутом пространстве, он звучал громче, многократно усиленный эхом. Томас уже чувствовал, как голова позади глазных яблок наливается болью.

В поисках источника звука глэйдеры метались по комнате. Кто-то, зажимая уши ладонями, валялся на кровати. Томас не заметил ни динамиков, ни решеток обогревателя или вентилятора – ничего. Звук шел одновременно отовсюду.

Схватив Томаса за плечо, Ньют проорал ему на ухо:

– Стебанутый сигнал! Как будто салагу прислали!

– Догадался уже!

– Зачем его врубили?

Томас пожал плечами, стараясь не выдать раздражения. Откуда ему знать, почему звучит сирена?!

Тем временем Минхо и Эрис возвратились из ванной. Оба рассеянно потирали татуировки на шеях. Вскоре до них дошло: и у остальных имеются те же отметки. Фрайпан отошел к двери и уже протянул пальцы к отсутствующей ручке…

– Стой! – окликнул его Томас и бросился к двери.

Ньют – следом за ним.

– Че такое? – спросил Фрайпан. Его пальцы застыли всего в нескольких дюймах от дыры на месте замка.

– Пока не знаю, – ответил Томас, неуверенный, слышно ли его за звуками сирены. – Все этот сигнал… По ходу дела, беда случилась.

– Ага! – проорал Фрайпан. – И надо выметаться отсюда!

Не дожидаясь ответа, он толкнул дверь – та не поддалась ни на дюйм. Фрайпан снова толкнул – безрезультатно. Тогда повар навалился на дверь всем весом.

Тщетно. Проход будто заложили кирпичами с той стороны.

– Это ты, на хрен, ручку сломал! – взвизгнул Фрайпан и хватил по двери ладонью.

Кричать в ответ не хотелось. Усталость брала свое, и горло саднило. Сложив руки на груди, Томас привалился к стене и посмотрел на глэйдеров. Казалось, парни не меньше его устали от бесплодных поисков ответа и выхода. Опустошенные, они либо сидели на кроватях, либо просто стояли.

Из чистого отчаяния Томас опять позвал Терезу – та не ответила. Он позвал ее снова, еще несколько раз. Может, все дело в ревущей сирене? И из-за нее Томас не способен как следует сосредоточиться? Присутствия подруги он по-прежнему не ощущал. Это было все равно что проснуться однажды утром и не обнаружить во рту ни одного зуба. К зеркалу бежать не надо, и без того ясно: их нет, пропали.

И вдруг сирена умолкла. Тишина повисла гудящим пчелиным роем, и от нестерпимого звона Томас даже прочистил пальцем ухо. Каждый вздох звучал подобно взрыву.

Первым заговорил Ньют:

– Не дай бог нам подкинут нового шнурка.

– Ты Ящик видишь? – с легким сарказмом в голосе спросил Минхо.

Что-то тихонько скрипнуло, и Томас подскочил, обернулся к двери. Та приоткрылась на пару дюймов, в щели виднелась темнота. Кто-то выключил свет в столовой.

– Теперь они хотят, чтобы мы вышли, – заметил Минхо.

– Тогда ты первый, – предложил Фрайпан, пятясь от двери.

– Не вопрос, – сказал Минхо. – Может, там нас ждет еще шанк. Будем его драконить от не фиг делать. – У самой двери он остановился и краем глаза посмотрел на Томаса. – Нам бы пригодился новый Чак, – произнес он неожиданно мягким тоном.

Минхо и не думал поддеть Томаса. Это он так в своей странной манере пытался сказать, что не меньше других тоскует по Чаку. Но как не ко времени Минхо помянул его! Томас разозлился. Чутье предупреждало: остынь, дела и так паршивые. От эмоций пока лучше отстраниться и двигаться вперед. Шаг за шагом. Выяснить, что к чему.

– Ну да, – ответил наконец Томас. – Сам пойдешь, или мне вперед выйти?

– Что выбито у тебя на шее? – спросил Минхо, будто не слышал вопроса.

– Да хрень какая-то. Идем.

По-прежнему не глядя на Томаса, Минхо кивнул. Потом вдруг улыбнулся. Проблемы словно исчезли, и к Минхо вернулся привычный пофигистский настрой.

– Отлично. Если мне в ногу вопьется зомби, спаси меня.

– Заметано. – Томасу не терпелось выйти за дверь. Глэйдеры на пороге нового открытия в их бессмысленном путешествии, и ждать больше нет сил.

Минхо толкнул дверь, и ленточка тьмы превратилась в широкую полосу. В столовой царил мрак, как в тот момент, когда глэйдеры только вошли в нее из барака. Минхо шагнул за порог, и Томас двинулся за ним след в след.

– Погоди, децл, – прошептал Минхо. – Беспонтово опять с мертвецами целоваться. Я найду выключатели.

– Зачем было свет вырубать? – вслух подумал Томас. – В смысле кому это надо?

Минхо обернулся. Свет из спаленки выхватил кривую усмешку у него на лице.

– Чувак, тебе не лень вопросы задавать? Все бессмысленно, и вряд ли смысл появится. Лучше не рыпайся.

Практически моментально Минхо растворился во тьме. Слышно было, как он мягко ступает по ковру и ведет пальцами по беленой стене.

– Нашел! – крикнул куратор откуда-то справа.

Несколько раз щелкнуло, и столовую затопил яркий свет. На короткий миг Томас даже не понял, что в обстановке переменилось, но заметив отличия, вздрогнул всем телом. Смрад от гниющих трупов исчез.

Висельников словно и не было никогда.

Глава восьмая

На несколько секунд Томас перестал дышать. Потом он судорожно и глубоко вдохнул и пораженно огляделся: ни раздувшихся, посиневших мертвецов, ни вони…

Прохромав мимо, Ньют остановился на середине застеленной ковром комнаты.

– Невероятно, – произнес он, медленно поворачиваясь вокруг себя и глядя на потолок, с которого всего несколько минут назад свисали на веревках трупы. – Никто бы не успел снять тела так быстро. В столовую никто не входил. Мы бы услышали!

Томас отступил к стене, давая дорогу Эрису и глэйдерам. Покидая по очереди спаленку, они с тихим благоговением взирали на опустевшую столовую, еще недавно полную мертвецов. Томас же чувствовал пустоту внутри себя, как будто устал удивляться чему-либо.

– Ты прав, – согласился Минхо с Ньютом. – Сколько мы просидели в спальне? Минут двадцать от силы? Никто не успеет снять так быстро столько покойников. К тому же столовка заперта изнутри.

– И от вони так легко не избавишься, – добавил Томас, и Минхо кивнул в подтверждение.

– Вы, шанки, стопудово правы, – отдуваясь, произнес Фрайпан. – Но оглянитесь: трупов нет. По-любому от них как-то да избавились.

Спорить – и просто говорить – о странном исчезновении мертвецов Томас не хотел. И не такое видали.

– Послушайте, – произнес Уинстон. – Психопаты больше не орут.

Томас отлип от стены и прислушался. Тишина.

– Я думал, мы их из комнаты Эриса не слышим, но… шизы реально заткнулись.

Глэйдеры сорвались и побежали в сторону большой спальни. Всем не терпелось выглянуть в окна. Когда к тебе ломятся вопящие сумасшедшие, не больно-то полюбуешься на внешний мир.

– Ни фига себе! – прокричал Минхо и, не говоря больше ни слова, исчез внутри спальни.

У порога глэйдеры останавливались, широко раскрыв глаза. Ждали немного и только потом заходили. Пропустив вперед всех (и Эриса), Томас сам прошел внутрь.

Потрясенный, как и остальные, он заметил один принципиальный момент: комната мало чем отличалась от той, которую парни недавно покинули, лишь окна здесь были заложены кирпичами. Свет исходил от потолочных панелей.

– Допустим, трупы они убрать успели бы, – сказал Ньют. – Зато на кирпичную кладку времени точно не хватило бы. Ни за что! Ни хрена не понимаю…

Просунув руку через решетку, Минхо дотронулся до одной из кладок.

– Прочная, – сказал он.

– Давно сложили, – заметил Томас, проверив швы. – Раствор сухой и холодный. Нас дурят, вот и все.

– Дурят? – переспросил Фрайпан. – Как?

Томас пожал плечами; оцепенение вернулось. Сейчас бы связаться с Терезой.

– Без понятия. Помните Обрыв? Мы спрыгнули в пустоту и прошли сквозь невидимое отверстие. Кто знает, на какие еще хитрости способны Создатели?

Следующие полчаса прошли как в тумане. Томас вместе с глэйдерами бродил по комнате, обследуя кирпичи, выискивая признаки иных изменений – и находя их одно чуднее другого. Постели убраны, не осталось ни предмета грязной одежды, которую глэйдеры накануне сменили на чистые пижамы. Комоды стоят чуток иначе; кое-кто взялся утверждать, будто их и не двигали вовсе, хотя в ящиках обнаружились комплекты одежды, обуви и электронные часы для всех.

Однако самую потрясающую находку совершил Минхо. На стене у спаленки висела табличка, сообщавшая, что комната принадлежит не Терезе Агнес («Группа «А», субъект А-1. Предатель»), а Эрису Джонсу («Группа «В», субъект В-1. Партнер»).

Глэйдеры один за другим ознакомились с новой табличкой и отошли. Томас же стоял перед ней, не в силах оторвать взгляда. Он официально получил подтверждение странной и бессмысленной рокировки: Терезу заменили Эрисом. Плюнув, Томас вернулся в спальню, лег на свою – как он думал – койку и положил под голову подушку, будто надеясь, что его теперь оставят в покое.

Что с Терезой? Что будет с глэйдерами? Где они? И чего от них ждут? Еще эти татуировки…

Повернувшись на бок (сначала головой, а потом и всем телом), Томас принял позу эмбриона. Он решил звать Терезу, пока та наконец не ответит.

«Тереза? – Пауза. – Тереза?»

Еще пауза, уже длиннее.

«Тереза! – мысленно кричал Томас, напрягаясь всем телом. – Тереза! Где ты? Прошу, отзовись! Почему не говоришь со мной? Тер…»

«Вон из моей башки!»

Слова буквально взорвались в мозгу – такие отчетливые и громкие, что позади глаз и в ушах сильно кольнуло. Томас сел, затем встал. Это она, точно она.

«Тереза? – Томас прижал к вискам по два пальца. – Тереза?»

«Ты, кланкоед! Не лезь ко мне в голову!»

Томас аж присел. Он закрыл глаза и снова попробовал сосредоточиться.

«Тереза, что с тобой? Это же я, Томас».

«Кто-о?! Заткнись!»

Это она, Тереза, только ее ментальный голос полон страха и гнева.

«Заткнись, понял! Я тебя не знаю, оставь меня!»

«Но… – совершенно растерялся Томас. – В чем дело, Тереза?»

На некоторое время она замолчала, словно собираясь с мыслями, а когда вновь заговорила, Томас поразился ледяному спокойствию в ее голосе.

«Не доставай меня. Или я найду тебя и перережу глотку. Клянусь».

Собеседница пропала. Забыв об угрозах, Томас снова и снова звал ее. Ответом ему была все та же тишина и ощущение утраты.

Упав на кровать, Томас почувствовал, как по телу разливается отвратительное жжение. Спрятав лицо в подушку, он заплакал – впервые с момента гибели Чака. В памяти против воли всплывала надпись с таблички у спаленки и ярлык «Предатель», но Томас каждый раз гнал их прочь.

Странно, никто не подошел, не спросил, в чем дело. Плач постепенно перешел в сдавленные всхлипы и неровное дыхание. Понемногу Томас затих и заснул.

Ему приснился сон.

На сей раз Томас чуть старше, лет семи-восьми. Над головой у него горит яркий и будто волшебный свет.

Время от времени к нему, загораживая огни, наклоняются люди в нелепых зеленых костюмах и странных очках. Он видит лишь глаза – рты и носы закрыты масками. Томас одновременно и этот мальчик, и сторонний наблюдатель; он чувствует страх малыша.

Люди переговариваются между собой приглушенными, невнятными голосами. Здесь и мужчины, и женщины. Кто из них кто – Томас не разбирает.

Он вообще не может понять, что происходит.

Только взгляды. Обрывки беседы. И все страшно пугает.

– Придется углубиться в его мозг и мозг девочки.

– Они выдержат?

– Вы понимаете, насколько это потрясающее открытие! Вспышка – внутри его.

– Он может умереть.

– Хуже будет, если выживет.

Наконец Томас слышит последнюю фразу, хоть что-то, от чего не бросает в дрожь:

– Или же он и другие спасут нас. Спасут всех.

Глава девятая

Томас проснулся.

В мозг, через уши, словно забили сосульки.

Он попробовал встать, и комната завертелась перед глазами; его замутило. Затем пришли мучительные воспоминания: об угрозах Терезы и о сне. Кто были те люди в зеленом? Настоящие ли они? И правду ли говорили о его мозге?

– Рад, что ты еще спать не разучился.

Сквозь полуопущенные веки он увидел Ньюта. Друг стоял у кровати.

– Надолго я вырубился? – спросил Томас, стараясь загнать мысли о Терезе и сне – или же воспоминании? – в самый дальний и темный уголок мозга. Погоревать

можно и после.

Глянув на часы, Ньют сказал:

– На пару часов. Народ как увидел, что ты спишь, сразу расслабился. И правильно, делать все равно больше нечего. Остается сидеть и ждать. Выхода мы не нашли.

Сдерживая стон, Томас сел на кровати и прислонился спиной к стенке за изголовьем.

– Пожрать есть чего?

– Нет. Хотя какой смысл проделывать такие махинации? Дурить нас, перетаскивать с места на место, чтобы затем уморить голодом? Скоро что-то переменится. Помню, как первая партия наших прибыла в Глэйд. Я, Алби, Минхо, еще ребята… Изначальные глэйдеры.

Последнюю фразу Ньют произнес далеко не без сарказма.

Заинтригованный, Томас удивился себе: ведь он и не задумывался, какой была жизнь в Глэйде вначале.

– И чем мы напоминаем первую группу?

Ньют сосредоточенно уставился на кирпичную кладку за окном.

– Мы проснулись посреди дня, лежа на земле у дверей Ящика. Память стерта. Правда, мы как-то быстро сошлись и перестали паниковать. Тридцать человек, напуганы, растеряны, и все без понятия, как очутились на ферме и что надо делать. Потом решили: раз мы в одной яме, то хорошо бы осмотреться. Вскоре мы обзавелись хозяйством, каждому нашлась работа.

Головная боль постепенно уменьшилась, и Томас с интересом слушал, с чего начиналась община. Кусков головоломки, возвращенных Метаморфозой, было слишком мало, чтобы составить полную картину, сформировать устойчивые воспоминания.

– Создатели все подготовили к вашему прибытию? Ну посевы там, стада?

Не отрывая взгляда от кирпичей, Ньют кивнул.

– Мы вкалывали, чтобы поддерживать хозяйство в порядке. День за днем, метод научного тыка себя оправдал.

– Ну а… почему сейчас ты вспомнил первые дни?

Наконец Ньют посмотрел на Томаса.

– Тогда мы думали, что в происходящем есть смысл. Если нас хотели просто убить, зачем тогда заслали на поляну с домом, амбаром и скотиной? Выбора не оставалось, вот мы и принялись обживаться, исследовать местность.

– Мы осмотрелись. Скотины нет, жратвы нет, и Лабиринта тоже.

– Какая разница! Принцип один – мы здесь зачем-то. И нам предстоит выяснить зачем.

– Если с голоду не передохнем.

Ньют указал на уборную.

– Вода есть, так что несколько дней протянем. Ждем перемен.

В глубине души Томас был согласен с Ньютом, а спорил лишь затем, чтобы избавиться от сомнений.

– Как насчет висельников? Вдруг те люди спасали нас по-настоящему? Их казнили, и мы теперь в жопе? Вдруг мы не оправдали оказанного доверия и остается подохнуть?

Ньют громко рассмеялся.

– Ты депрессующий кусок кланка! Если учесть магическим образом исчезнувшие трупы и кирпичные стены за окнами, это скорее похоже на Лабиринт. Вещи странные, необъяснимые… короче, тайна, покрытая мраком. Может, нам дали очередное задание, проверяют? Фиг проссышь. Однако шанс есть, как и в Лабиринте. Зуб даю.

– Ну да, – согласился Томас, гадая, не рассказать ли о своем сне. В конце концов он решил приберечь исповедь на потом. – Надеюсь, ты прав. Пока не появятся гриверы, с нами ничего не случится.

Не успел Томас договорить, как Ньют покачал головой.

– Чувак, поаккуратней с желаниями. Вдруг чего пришлют?

Перед мысленным взором Томаса встала Тереза, и всякое желание говорить улетучилось.

– Кто теперь за шута? – через силу спросил он.

– Хотя бы я, – ответил Ньют, поднимаясь на ноги. – Пойду прикольну кого-нибудь, пока не начался кипеж. Да и голоден я что-то.

– Аккуратней с желаниями.

– Заметано.

Ньют ушел, и Томас принял лежачее положение, вгляделся в дно верхней койки. Стоило опустить веки, как в темноте разума всплыл образ Терезы. Томас резко открыл глаза. Если он хочет пройти Испытание, то лучше на время позабыть подругу.

Голод. В желудке словно заперли зверя. Спустя три дня без еды зверюга уже рычал и скалил зубы, намереваясь тупыми когтями пробить себе дорогу наружу. Томас чувствовал его каждую секунду каждой минуты каждого часа. Он постоянно пил воду из-под крана в тщетных попытках унять животное. Казалось, питье, напротив, прибавляет врагу сил, делая Томаса все слабее.

Другие, хоть и не жаловались, чувствовали то же. Они ходили кругами по комнате, опустив головы и приоткрыв рты, словно каждый шаг уничтожал тысячу калорий. Бесконечно облизывая губы, ребята держались за животы, как будто пытаясь унять рычащего зверя. Глэйдеры старались как можно меньше двигаться: ходили только в туалет да попить воды. Как и Томас, они лежали на кроватях, бледные, обессиленные; глаза у всех запали.

Глэйдеров будто свалила гнойная болезнь, и, глядя на товарищей, Томас лишний раз убеждался в неотвратимости смерти. Голод служил лишним напоминанием, что нельзя о ней забывать.

Вялый сон. Ванная. Вода. Доплестись до кровати. Вялый сон – уже без снов-воспоминаний.

Порочный круг действий нарушался редкими мыслями о Терезе. Ее последние – грубые – речи пусть и немного, но смягчали перспективу смерти. После Лабиринта и гибели Чака Тереза была единственной соломинкой надежды, за которую хватался Томас. И вот ее не стало. Нет еды, и прошло три долгих дня…

Остались голод, страдание.

Томас перестал смотреть на часы – от этого время тянулось мучительней, а тело лишний раз вспоминало, как давно его не снабжали едой.

В середине третьего дня из столовой донеслось гудение. Томас посмотрел на дверь.

Надо встать, пойти и проверить… Разум погрузился в очередную туманную полудрему. Может, гудение послышалось? Нет, вот оно, раздалось вновь.

Томас приказал себе встать, но сил не хватило и он вновь уснул.

– Томас.

Минхо. Его голос окреп, стал звонче.

– Томас. Проснись, чувак.

Очнувшись, Томас порадовался, что пережил еще одно погружение в сон. Перед глазами все плыло, и поначалу он не поверил в реальность увиденного: красное, круглое, в зеленых прожилках, блестит. Когда зрение окончательно прояснилось, Томас почувствовал, будто заглянул в рай.

Яблоко. Всего в нескольких дюймах от носа.

– Откуда… – Единственное слово забрало силы, и фразу Томас не закончил.

– Просто ешь, – сказал Минхо и смачно захрустел фруктом.

Собрав остатки сил, Томас приподнялся на локте, схватил яблоко и повалился обратно. Поднеся плод ко рту, слегка надкусил.

О, этот сок, его вкус – само блаженство, великолепие!

Мыча от удовольствия, Томас догрыз яблоко до сердцевины быстрее, чем Минхо.

– Полегче, хомяк, – посоветовал куратор. – Будешь так шамать с голодухи – проблюешься, верняк. Вот, держи еще тыблоко. На этот раз ешь медленней.

Даже не сказав спасибо, Томас впился в яблоко зубами. Давиться не стал, отдавая должное каждому кусочку. Мало-помалу силы возвращались.

– Хорошо, – пробормотал Томас. – Кланк мне в глотку, как хорошо!

– Ты по-прежнему коряво говоришь на нашем сленге, – заметил Минхо и надкусил яблоко.

– Откуда фрукты? – спросил Томас, не обратив внимания на придирку.

Минхо чуть помолчал с набитым ртом, затем проглотил кусок и ответил.

– Нашли в столовке. А вместе с едой и… кое-что еще. Шанки, которые обнаружили хавчик, говорят, типа заглядывали в столовку парой минут раньше и ничего не видели. Ну мне-то что? По фигу.

Томас сел на кровати, свесив ноги.

– Так что еще нашлось?

Откусив от яблока, Минхо кивнул в сторону столовой.

– Иди сам посмотри.

Закатив глаза, Томас медленно поднялся. Проклятая слабость еще не покинула тела, и он чувствовал себя так, словно его выпотрошили, оставив кости да сухожилия. Впрочем, на ногах Томас стоял крепче, нежели в последний раз, когда, подобно ожившему трупу, брел до ванной и обратно.

Убедившись наконец, что равновесие не покинет его, Томас отправился в столовую. Всего три дня назад она была полна трупов, а сегодня глэйдеры столпились в ней у горы пищи: фрукты, овощи, какие-то пакетики появились из ниоткуда, словно сами по себе.

Томас их как будто и не заметил. Его внимание приковало нечто на другом конце зала. Чтобы не упасть, Томас оперся рукой о стену.

Напротив двери в спаленку стоял большой деревянный стол. За ним, закинув ноги на крышку, сидел худой мужчина в белом костюме.

Незнакомец читал книгу.

Глава десятая

Целую минуту Томас пялился на мужчину – тот преспокойно читал. Казалось, для него это привычный ритуал, отработанный в течение жизни. Томас присмотрелся

к незнакомцу: редкие черные волосенки, зачесанные поперек лысины, длинный нос, сбитый чуть вправо, резвые глазки бегают туда-сюда по строкам. Неизвестный одновременно выглядел и расслабленным, и нервным.

И этот белый костюм: брюки, сорочка, пиджак. Носки, туфли. Все – белое.

Какого черта?!

Томас посмотрел на глэйдеров, жующих фрукты и мюсли. Сейчас им было не до человека в белом.

– Кто этот тип? – спросил Томас, ни к кому конкретно не обращаясь.

Оторвавшись от еды, один из парней ответил:

– Молчит, не колется. Велел ждать, пока он не будет готов. – Парень пожал плечами, мол, подумаешь, эка невидаль, и принялся доедать надкусанную дольку апельсина.

Томас перевел взгляд на незнакомца в белом – тот никуда не делся. Лишь перевернул с тихим шелестом страницу и продолжил впитывать слова.

Ошеломленный, чувствуя, как желудок урчит, требует еще еды, Томас направился к столу. Надо же, проснуться и застать такое…

– Осторожно, – предупредил его товарищ, но было поздно.

Томас врезался в невидимую стену – чуть не разбив носа о холодное стекло. Отшатнувшись и потирая ушибленное место, он прищурился. И как не заметил барьера?!

Сколько Томас ни вглядывался, он не увидел ни отражений, ни пятнышка. Впереди – чистый воздух. И мужчина в белом даже не шевельнется, будто не замечает никого, ничего.

Вытянув руку, Томас, на этот раз медленнее, пошел вперед, пока наконец не наткнулся на стену невидимого… чего? Вроде бы стекло: гладкое, твердое и

холодное. И абсолютно невидимое.

Расстроенный, Томас двинулся сначала влево, затем вправо, ощупывая на ходу это невидимое и плотное нечто. Оно тянулось от стены до стены, не давая подступиться к незнакомцу. Постучав по барьеру, Томас услышал глухие отзвуки ударов. Некоторые из глэйдеров – и Эрис в их числе – сказали, что так уже делали.

Тем временем мужчина в белом театрально вздохнул, убрал ноги со стола и, положив палец на строчку, где остановился, раздраженно посмотрел на Томаса.

– Сколько можно повторять? – произнес он гнусавым тоном, отлично подходящим его бледной морде, редким волосам и костлявой фигуре. А еще костюму, идиотскому белому костюму. Как ни странно, барьер ничуть не приглушал слов. – У нас еще сорок семь минут, прежде чем я инициирую вторую фазу испытаний. Прошу проявить терпение и оставить меня в покое. Вам дано время, чтобы подкрепиться. Настоятельно рекомендую воспользоваться им по назначению, юноша. Теперь, если не возражаете…

Не дожидаясь ответа, незнакомец закинул ноги на столешницу и вернулся к чтению.

Томас будто язык проглотил. Отвернувшись, он прижался спиной к невидимой стене. Что происходит? Наверное, Томас еще спит, ему все снится. Почему-то от одной этой мысли голод усилился, и Томас жадно посмотрел на гору продуктов. Обернулся и увидел в дверном проеме Минхо. Опершись на косяк, друг скрестил на груди руки.

Томас ткнул большим пальцем себе за спину.

– Уже познакомился с нашим новым другом? – ухмыльнулся Минхо. – Тот еще типок. Надо бы и мне раздобыть такой же костюм. Прикольный.

– Я что, сплю? – спросил Томас.

– Нет, не спишь. И лучше пошамкай, смотреть на тебя страшно. Ты на Крысуна похож, этого, который читает.

Томас сам поразился, как быстро он перестал удивляться странности происходящего. Вновь пришло знакомое отупение. Первый шок миновал, ничто не казалось необычным. Теперь все было в пределах нормы.

Отбросив лишние мысли, Томас направился к еде. Скушал яблоко, апельсин, пакетик ореховой смеси, батончик мюслей. Тело просило воды, но Томас еще недостаточно восстановил силы.

– Притормози, – посоветовал Минхо. – У нас тут шанки блюют вовсю, слишком много съели. С тебя хватит, чувак.

Томас чувствовал приятную полноту в желудке. Рычащего зверя ни капли не жалко. Минхо прав, еды пока хватит. Кивнув другу, Томас отправился в ванную попить.

Что же приготовил для них человек в белом? «Вторая фаза испытаний…» Что бы это значило?

Через полчаса Томас сел на пол вместе с остальными глэйдерами. Справа от него расположился Минхо, слева – Ньют. Все они смотрели на прозрачный барьер и похожего на ласку мужчину. Тот по-прежнему читал книгу, закинув ноги на столешницу.

Томас радовался, чувствуя, как возвращаются силы.

Когда он зашел в ванную, новичок, Эрис, как-то странно взглянул на него. Словно хотел телепатически передать некую мысль, но побоялся. Не обратив на него внимания, Томас принялся жадно глотать воду из-под крана. Закончив и утерев рот рукавом, он заметил, что Эрис вышел из уборной. Теперь новичок сидел у стены, глядя в пол. Томасу стало жалко Эриса. Если глэйдерам нелегко, то ему в разы хуже. Особенно если они с убитой девочкой были столь же близки, как и Томас с Терезой.

Первым заговорил Минхо.

– По-моему, мы сбрендили, как и те… забыл… шизы? Психи, что ломились к нам в окна. Сидим и ждем, пока Крысун прочтет нам лекцию. Будто это нормально. Будто мы в школе какой. Я че подумал: если бы он хотел сообщить приятные новости, то не стал бы прятаться за невидимой стеной.

– Заткнись и слушай, – попросил его Ньют. – Может, сейчас все закончится.

– А, ну да, – сказал Минхо. – Фрайпан пойдет стругать себе детишек, Уинстон избавится от прыщей, а Томас в кои-то веки улыбнется.

Томас растянул губы в притворной улыбке.

– Ну, вы счастливы?

– Чувак, да ты само уродство!

– Как скажешь.

– Захлопнитесь уже, – прошипел Ньют. – Время пришло.

Крысун – как любезно окрестил незнакомца Минхо – опустил ноги и убрал книгу. Чуть отъехав от стола, он выдвинул один из ящиков, порылся в нем и извлек на свет большую желтую папку, плотно и беспорядочно набитую бумагами.

– Ага, вот оно, – прогнусавил Крысун и положил папку на стол. Открыв ее, оглядел парней. – Благодарю, что так организованно явились на встречу. Теперь я могу выполнить поручение и… сообщить вам новость. Прошу внимания.

– Зачем стена? – прокричал Минхо.

Потянувшись через Томаса, Ньют ударил его в плечо.

– Рот закрой!

Крысун будто не заметил взрыва эмоций.

– Вы здесь благодаря сверхъестественной жажде уцелеть и способности выживать несмотря на мизерные шансы и… прочие трудности. В Глэйд – ваш по крайней мере – было заброшено шестьдесят человек. Еще шестьдесят составили Группу «В».

Стрельнув глазами в сторону Эриса, мужчина медленно обвел взглядом остальных. Может, никто больше и не заметил, но Томасу показалось, будто на новичка Крысун смотрел как на знакомого. К чему бы это?…

– Из начального состава выжила очень небольшая часть. Полагаю, вы уже в курсе: почти все трудности, препятствия нужны лишь для того, чтобы проанализировать ваши реакции. Это даже не эксперимент, это скорее составление… матрицы. Стимуляция инстинктов на территории обреченных и сбор данных. Сложив их вместе, мы совершим величайший прорыв в истории науки и медицины.

Ситуации, в которые мы вас помещали, называются Переменными, и каждая из них тщательно продумана. Скоро я все объясню. В принципе рассказать можно и сейчас, но жизненно необходимо, чтобы вы понимали только одно: все эти проверки служат важной цели. Продолжайте отвечать на Переменные, берегите себя, и наградой вам будет знание, что вы сыграли роль в спасении человеческой расы. Ну и самих себя, разумеется.

Крысун выдержал эффектную паузу, и Томас, вздернув брови, посмотрел на Минхо.

– Чувачок головой стебанулся, – прошептал тот. – Как побег из Лабиринта спасет человечество?

– Я представляю группу под названием «ЭТО ПОРОК», – продолжал Крысун. – Звучит грозно, однако расшифровывается вот как: «Эксперимент «Территория обреченных». Программа оперативного реагирования. Общемировая катастрофа». Никаких угроз, они надуманны. Мы служим одной цели: спасти цивилизацию от катастрофы. Собравшиеся в этой комнате играют ключевую роль в нашем плане. Мы располагаем ресурсами, о которых ни одно правительство в истории общества и помыслить не могло: практически неограниченные денежные запасы, нескончаемый людской капитал и технологии, опережающие самые смелые и хитрые задумки. Доказательства

тому вы встретите не единожды, постепенно проходя испытания.

Единственное, что могу сказать: не верьте глазам своим. Или, если на то пошло, разуму. Не зря мы устроили демонстрацию с повешенными и кирпичной кладкой за окнами. Иногда видимое нереально, а невидимое, наоборот, существует. Мы в состоянии манипулировать вашим мозгом и нервными рецепторами. Понимаю, звучит пугающе.

Слабо, очень и очень слабо сказано. «Территория обреченных», вертелось в голове у Томаса, но из-за амнезии он никак не мог припомнить, что значат эти слова. Первый раз Томас увидел надпись «ЭТО ПОРОК» в Лабиринте, на металлической табличке.

Мужчина в белом медленно обвел взглядом глэйдеров. Верхняя губа у него блестела от пота.

– Лабиринт – часть испытаний. Ни одна проверка не проводилась просто так, все Переменные позволяют составлять матрицу ответов на территории обреченных. Побег – часть плана. Битва с гриверами, убийство мальчика по имени Чак, предполагаемое спасение на автобусе… Все – части плана.

Услышав имя Чака, Томас ощутил, как в груди поднимается волна гнева. Ньют успел схватить Томаса и потянуть обратно на пол, не дал вскочить.

Реакция Томаса подстегнула Крысуна. Он вскочил и, упершись руками в стол, подался вперед.

– Вы не покидали пределов Испытаний, а точнее – Первой их фазы. Однако нам по-прежнему не хватает материалов. Приходится повышать ставки. Пришло время Второй фазы, и теперь все усложняется.

Глава одиннадцатая

Комната погрузилась в тишину.

Умом Томас понимал: ему стоит переживать по поводу абсурдного замечания, будто теперь все усложняется. (Типа прежде было легко!) Стоит бояться. Ведь их мозгами манипулируют. И в то же время стало любопытно: что дальше, что скажет человек в белом? Предупреждение Крысуна в одно ухо влетело и в другое вылетело.

Выждав, казалось, целую вечность, мужчина сел.

– Вы можете подумать, будто Испытания всего лишь проверка способности к выживанию. Внешне Лабиринт таковым и представляется, хотя смею заверить: мы тестируем отнюдь не волю к жизни. Тест на живучесть – только часть эксперимента. Картины в целом вам не понять до самого завершения опытов.

Солнечные вспышки уничтожили большую часть Земли. На планете свирепствует эпидемия доселе неизвестной болезни, которую мы называем Вспышка. Впервые за историю общества правительства всех стран – уцелевших держав – объединились. Совместными усилиями они создали ПОРОК, группу по борьбе с новыми напастями. Вы – основная часть нашего эксперимента, и работать придется изо всех сил. Вынужден огорчить: каждый из вас инфицирован.

Крысун поднял руки, предупреждая волнения и шум среди глэйдеров.

– Тихо, тихо! Не надо волноваться. Вирус проявляет себя не сразу, ему требуется время, чтобы обосноваться в организме носителя. Про симптомы я расскажу. Однако в конце Испытаний наградой станет лекарство, и вы не познаете… разрушительного воздействия Вспышки. Прошу учесть: лишь немногие могут позволить себе лечение.

Рука Томаса взметнулась к горлу, словно боль в нем была первым симптомом. Он вспомнил, как женщина в автобусе рассказывала про болезнь: вирус постепенно разрушает твой мозг, сводит с ума, лишает способности испытывать основные человеческие чувства: сострадание, сопереживание. Вспышка превращала людей в животных.

Вспомнив о шизах, которые ломились в окна спальни, Томас чуть не бросился в ванную – начисто вымыть руки и рот. Человек в белом прав: во второй фазе работать придется изо всех сил.

– Довольно уроков истории и пустой траты времени, – продолжил Крысун. – Мы вас знаем как облупленных. Не важно, что я говорю или что стоит за миссией ПОРОКа. Вы будете стараться любой ценой выполнить свою задачу. В этом мы убедились. Подчиняясь нам, вы спасете себя – добудете лекарство, в котором отчаянно нуждаются многие люди.

Минхо застонал, и Томас, испугавшись, как бы друг не выдал очередной остроты, шикнул, прежде чем тот успел открыть рот.

Крысун посмотрел на кучу бумаг в раскрытой папке, взял один листочек и, не читая, перевернул.

– Вторая фаза, – сказал он, откашлявшись, – Жаровня. Формально начинается завтра утром, в шесть часов. Вы войдете в эту комнату, и в стене позади меня вас будет ждать плоспер. На первый взгляд он представляет собой серую сверкающую стену. Вы все до единого должны пройти через него в течение пяти минут. Подытожу: проход открывается в шесть утра, ровно на пять минут. Всем все ясно?

Томас, словно пригвожденный к месту, наблюдал за Крысуном. Казалось, это не живой человек, а проекция видеозаписи. То же, наверное, чувствовали и прочие глэйдеры – никто не счел нужным отвечать на вопрос мужчины в белом.

А что такое, собственно, этот плоспер?

– Уверен, слуха вы не лишились, – произнес Крысун. – Так. Всем. Все. Ясно?

Томас кивнул; товарищи, сидевшие рядом, пробормотали что-то утвердительное.

– Вот и славно. – Крысун поднял еще листочек и перевернул. – Можем считать, что Испытание «Жаровня» начинается. Правила очень просты: найдите выход наружу и после двигайтесь строго на север, сто миль. Если в течение двух недель достигнете убежища, можете считать Испытание завершенным. Тогда и только тогда вы получите лекарство. Времени на Вторую фазу отводится ровно две недели, с момента как вы пройдете через плоспер. Останетесь здесь – в конце концов умрете.

Томас ожидал, что комната взорвется шумом, протестами, но нет, никто не проронил ни слова. У самого Томаса язык как будто высох и превратился в покрытый коростой пенек.

Крысун резко захлопнул папку, еще больше смяв бумаги, убрал ее в стол, поднялся и, задвинув за собой стул, скрестил руки на груди.

– На самом деле все просто, – произнес он обыденным тоном, словно учил ребят пользоваться душем. – Правил нет, никаких инструкций. Дается минимум припасов и никакой сторонней помощи. Минуете плоспер в указанное время, ищете выход на воздух и преодолеваете дорогу длиной в сотню миль. Найдете убежище или умрете.

Последнее слово вывело наконец ребят из ступора, и на Крысуна обрушился град вопросов:

– Что за плоспер?

– Откуда у нас Вспышка?

– Какие симптомы?

– Что искать в конце сотни миль?

– Что стало с повешенными?

Отвечать Крысун и не думал. Он быстро переводил взгляд темных глаз с одного глэйдера на другого. Наконец остановился на Томасе – тот посмотрел на незнакомца в ответ с ненавистью. С ненавистью к нему, к ПОРОКу, ко всему миру.

– Заткнитесь, шанки! – прикрикнул на парней Минхо, и поток вопросов моментально прекратился. – Только время теряете: эта морда все равно не ответит.

Крысун сдержанно кивнул Минхо, то ли благодаря, то ли признавая мудрость парнишки.

– Сотня миль. Строго на север. Надеюсь, вы справитесь. Помните: вы все инфицированы. Мы вас заразили, чтобы дать стимул работать. В убежище вы гарантированно получите лекарство.

Он развернулся и пошел к стене, словно намереваясь пройти сквозь нее, но в последний миг остановился и, обернувшись, произнес:

– Чуть не забыл. «Жаровни» избежать не получится. Те, кто не пройдет плоспер с шести до пяти минут седьмого, будут казнены… не самым приятным способом. Советую попытать счастья во внешнем мире. Удачи всем.

Сказав так, незнакомец пошел прямо на стену. Невидимый барьер заволокло туманом, а когда дымка рассеялась, Томас не увидел ничего – ни мужчины, ни стола, ни стула.

– Стеб твою налево, – прошептал Минхо.

Глава двенадцатая

И вновь глэйдеры принялись беспорядочно сыпать вопросами. Томас решил поискать уединения в ванной. Правда, пошел он не в большую спальню, а в маленькую. Там сел и, прислонившись спиной к ванне, уставился в пол. Благо, никто за ним следом не отправился.

Желая обдумать ситуацию, Томас не знал, как и с чего начать. Висельники, вонь смерти и разложения – все исчезло в считанные минуты. Потом незнакомец в белом (и мебель!), закрытые непонятным барьером, пропали без следа.

Но это не самое страшное. Побег из Лабиринта подстроили, однако неясно: кто стал марионетками ПОРОКа и, вытащив глэйдеров из комнаты Создателей, посадил в автобус и привез сюда? Сознательно ли отправились на смерть «спасители»? И взаправду ли умерли? Крысун предупредил: нельзя верить своим глазам и разуму. Чему тогда вообще можно верить?

И хуже всего новость об инфекции, Вспышке. О том, что за лекарство предстоит побороться.

Плотно зажмурившись, Томас потер лоб. У него забрали Терезу; оба они лишились семьи. Завтра начинается маразм под названием «Жаровня». Лабиринт по сравнению с ней – цветочки. А снаружи – шизы, психи. Как с ними-то справиться? Что сказал бы Чак, будь он жив?

Что-нибудь банальное типа: «Ну мы попали!»

И не ошибся бы. Глэйдеры и правда попали.

Чака зарезали буквально пару дней назад, умер он на руках у Томаса. И еще легко отделался, как бы ужасно это ни звучало. Впереди, похоже, нечто пострашней смерти от ножа.

Мысли Томаса вернулись к татуировке на шее…

– Чувак, ты посрать пошел и провалился?

Это сказал Минхо от дверного проема уборной.

– Оставаться в столовке нет сил. Все орут, гундят как дети малые: «Мы хотим то, мы хотим это…»

Минхо подошел к Томасу и прислонился плечом к стене.

– Ты че, типа мистер Удача? Слушай, все эти шанки не ссыкливей тебя. Завтра утром мы пройдем через… через что бы там ни было. И кто угодно, хоть до посинения, может орать, что типа он круче нас.

Томас закатил глаза.

– Я разве называл кого-то ссыклом? Просто тишины хочется. И твой голос ее нарушает.

Минхо хихикнул:

– Кланкорожий ты. Вредничать не умеешь.

– Спасибо. – Томас чуть помолчал. – Плоспер.

– А?

– Та хрень, про которую белый рассказывал и через которую надо пройти завтра утром. Она называется плоспер.

– О да. Сто пудов, какая-нибудь дверь навороченная.

Томас поднял взгляд на Минхо.

– И я так думаю. Это нечто вроде Обрыва. Плоское и переносит куда-нибудь. Плоский переход?

– Гений ты наш стебанутый.

Вошел Ньют.

– Вы чего тут мышитесь?

Минхо хлопнул Томаса по плечу.

– Не мышимся мы. Просто Томас ноет, как все плохо и как он хочет к мамочке.

– Томми, – без намека на веселье спросил Ньют, – ты прошел через Метаморфозу, и к тебе вернулись обрывки памяти. В голове что-нибудь сохранилось?

Большая часть воспоминаний, пришедших после укуса гривера, подернулась туманной пеленой.

– Не знаю. Не могу представить внешний мир, или как я помогал проектировать Лабиринт. Что-то стало неясным, что-то снова забылось. Я видел пару странных

снов, но от них ни тепло, ни холодно.

Сменив тему, друзья заговорили о новостях, принесенных загадочным гостем, о солнечных вспышках и страшной болезни, о том, как ситуация переменилась теперь, когда стало известно, что глэйдеров проверяют, проводят над ними эксперимент. Говорили о многом, не находя ответов, и голоса ребят полнились страхом перед вирусом, которым их якобы заразили. Наконец парни замолчали.

– Н-да, подумать есть над чем, – произнес Ньют. – Мне понадобится помощь. Проследим, чтобы припасы до завтра никуда не делись. Что-то мне подсказывает: еда ой как пригодится.

Томас об этом даже не подумал.

– Ты прав. Народ еще обжирается?

Ньют покачал головой.

– Нет, я оставил Фрайпана за старшего. Этот шанк поклоняется пище и, похоже, рад найти себе вотчину. Я другого боюсь: парни запаникуют и все равно попытаются сожрать припасы.

– Да ну, забей, – сказал Минхо. – До этого момента дожили достойные. Дураки умерли.

Краем глаза Минхо посмотрел на Томаса, как бы давая понять: Чака с Терезой он в дураки не записывал.

– Может, и так, – согласился Ньют. – Надеюсь, ты прав. Только порядок все равно нужен. Как прежде. Как в сраном Лабиринте. Последние несколько дней группа расклеилась, все стонут, ноют… Никакой собранности, никакого плана. Бесит.

– Чего ты ждал? – спросил Минхо. – Чтобы мы выстроились в шеренги? Ать-два, упал-отжался? Мы заперты в трехкомнатной тюрьме.

Ньют захлопал в ладоши, будто слова Минхо обернулись комарами.

– Хрен с ним. Я лишь говорю, что завтра все переменится и к новому надо быть готовыми.

Сколько болтовни, а Ньют так и не сумел четко высказать мнение.

– К чему ты ведешь? – спросил Томас.

Ньют молча посмотрел на него, затем на Минхо.

– Завтра понадобится бесспорный лидер. Чтобы никаких сомнений, кто командует.

– Стебануться! Такого кланка ты еще не изрекал, – ответил Минхо. – Ты наш лидер, и мы это знаем. Все это знают.

Ньют твердо покачал головой.

– Ты от голода про татухи забыл? Думаешь, они для красоты набиты?

– Ну тебя. Еще скажи, они что-то значат. Нам просто мозги крутят!

Не отвечая, Ньют отогнул ворот пижамы Минхо. Томас не смотрел, поскольку и так знал, что татуировка Минхо назначала куратора бегунов Лидером.

Дернув плечами, Минхо сбросил с себя руку Ньюта и выдал порцию ядовитых замечаний. Томас, впрочем, его не слышал. Он отрешился, чувствуя, как быстро и болезненно колотится в груди сердце. Из головы не шел текст собственной татуировки.

Томаса должны убить.

Глава тринадцатая

Приближалась ночь. Перед отправлением нужно было выспаться, и остаток вечера группа посвятила сбору: из простыней сделали подобия мешков для припасов и одежды. В пустые пакетики из-под ореховой смеси налили воды и завязали их лоскутами из штор. Никто и не рассчитывал, что такие «бурдюки» продержатся долго, однако ничего лучше глэйдеры не придумали.

Ньют наконец убедил Минхо вести группу. Томас, как и все остальные, прекрасно знал, что без лидера не обойтись, и лишь обрадовался, когда Минхо, не без ворчания, согласился.

Часов в девять Томас лег в постель. Барак погрузился в странную тишину (хотя никто еще не заснул). Понятное дело, ребята боятся. Они прошли Лабиринт, видели его ужасы. Воочию убедились, на что способен ПОРОК. Если Крысун не врал и все испытания – часть большего плана, значит, эти люди заставили Галли убить Чака, почти в упор застрелили женщину из комнаты за норой гриверов, послали несколько человек вывезти глэйдеров, а после казнили «спасителей»… Список грехов ПОРОКа можно было продолжать и продолжать.

Под конец ПОРОК заразил глэйдеров страшной болезнью, оставив лекарство в качестве приманки, чтобы ребята не сдавались и продолжали участвовать в эксперименте. Кто знает, где правда и где ложь? Да еще Томаса, судя по всему, стараются держать одиночкой. Тяжко, как тяжко… Чак погиб. Тереза пропала.

Собственная жизнь казалась Томасу черной дырой. Как завтра взять себя в руки и заставить идти дальше? Навстречу тому, что приготовил ПОРОК? Ничего, Томас справится – и не только ради лекарства. Он не остановится, особенно после того как обошлись с его друзьями. И если единственный способ отомстить – это пройти Испытания, так тому и быть.

Так тому и быть.

Лелея мысли о возмездии, Томас заснул.

Глэйдеры завели будильники на часах ровно на пять утра. Томас пробудился задолго до нужного времени и, сколько ни пытался, уснуть больше не смог. Когда наконец спальню заполнил писк электронных часов, Томас сел на кровати, свесив ноги через край, и потер глаза.

Включили свет, и комнату залило желтым. Щурясь, Томас отправился в душ. Кто знает, скоро ли представится шанс снова помыться.

За десять минут до назначенного срока глэйдеры собрались в столовой; в мучительном ожидании некоторые теребили в руках пакеты с водой. Сбоку каждый поставил по мешку с пищей. Томас тоже решил нести пакет с водой в руках, чтобы быть уверенным, что в нем нет течи.

За ночь невидимый барьер вновь появился, и парни, сидя к нему лицом, покорно ждали, когда откроется плоспер.

Опустившийся рядом с Томасом Эрис заговорил впервые с момента… да черт его знает, когда Эрис говорил в последний раз.

– Ты не посчитал себя шизиком? – спросил новичок. – Когда услышал в голове ее голос?

Томас молча посмотрел на Эриса. До сей минуты он не желал разговаривать с новичком вообще, но неприязнь вдруг пропала. В конце концов Эрис не виноват, что Терезу похитили.

– Было дело. Потом привык и стал беспокоиться о другом: как бы окружающие за психа не приняли. Мы с Терезой долгое время шифровались.

– Я не считал телепатию странной, – признался Эрис. Глядя в пол, он на некоторое время задумался. – Я несколько дней провалялся в коме. Общаться с Рейчел было для меня совершенно естественно, и если бы она не отозвалась, я стопудово утратил бы дар. Остальные девчонки меня ненавидели, кто-то даже убить хотел. Рейчел одна…

Тут Минхо, поднявшись на ноги, приготовился говорить. Эрис не успел закончить рассказ, чему Томас только порадовался. Слушать вывернутую наизнанку версию того, через что прошел он сам… лишний раз вспомнится Тереза, а это больно и ни к чему. Томас предпочел сосредоточиться на выживании.

– У нас еще три минуты, – несвойственным для себя серьезным тоном заговорил Минхо. – Никто не передумал идти?

Томас мотнул головой – то же сделали остальные.

– Точно? – спросил Минхо. – Отказаться не поздно. Если по ту сторону перехода какой-нибудь шанк вдруг зассыт и захочет вернуться, я сам его спроважу в обратный путь. Только сначала сломаю нос и напинаю по яйцам.

Ньют, обхватив голову руками, громко застонал.

– Проблемы? – необычно строгим голосом спросил его Минхо. Томас, пораженный, ждал, что Ньют ответит.

Тот, не менее ошалевший, произнес:

– А… это… у тебя поразительный талант лидера.

Отдернув воротник, Минхо показал всем татуировку на шее.

– Что здесь сказано, кланкорожий?

Зардевшись, Ньют глянул по сторонам.

– Мы в курсе, что ты босс, Минхо. Давай полегче.

– От полегче слышу. – Минхо ткнул в Ньюта пальцем. – Некогда кланк месить. Заткни фонтан.

Оставалось надеяться, что Минхо лишь играет, дабы утвердиться в роли вожака. И если так, то играет хорошо.

– Ровно шесть! – прокричал кто-то.

Словно по команде невидимый барьер заволокло туманом, он сделался грязно-белым и непрозрачным. Прошла секунда, дымка рассеялась, пропала вместе с барьером. Изменения Томас заметил мгновенно: в стене напротив образовался широкий мерцающий участок тускло-серого цвета.

– Вперед! – заорал Минхо, закидывая на плечо мешок. В другой руке он сжимал пакетик с водой. – Не толпитесь, не толкайтесь. У нас пять минут. Я первый. – Он указал на Томаса. – Ты замыкаешь колонну. Убедишься, что никто не остался.

Томас кивнул, стараясь унять гудящие нервы, и утер со лба пот.

У самого плоспера Минхо остановился. Томас никак не мог сосредоточить взгляда на мерцающей, неустойчивой фиговине: по ее поверхности плясали тени различных форм, она пульсировала и, казалось, могла исчезнуть в любую секунду.

Обернувшись к группе, Минхо произнес:

– Жду на той стороне, шанки.

Он шагнул вперед, и серая мгла поглотила его целиком.

Глава четырнадцатая

Никто не жаловался. Никто вообще не проронил ни слова. По пути к плосперу парни обменивались взглядами, в которых Томас читал неуверенность, страх. Каждый без исключения глэйдер задерживался перед мерцающим прямоугольником, прежде чем сделать последний шаг и раствориться в сером мраке. Томас провожал товарищей, хлопая их по спине.

Спустя две минуты по эту сторону перехода остались Томас, Ньют да Эрис.

«Сомневаешься?» – мысленно спросил новенький.

Томас чуть не закашлялся, удивленный легкостью, с которой пронеслись в мозгу неслышные и в то же время отчетливые слова. Он рассчитывал, надеялся, что Эрис понял намек и не станет прибегать к телепатии. Мысленный канал – для Терезы, и ни для кого другого.

– Торопись, – ответил Томас. – Нельзя медлить.

Обиженный, Эрис ступил в серую мглу, за ним – Ньют.

Оставшись один, Томас напоследок оглянулся. Вспомнил распухших висельников, Лабиринт и прочий кланк. Вздохнул как можно громче, надеясь, что кто-нибудь где-нибудь услышит его, подхватил мешок с припасами и вошел в плоспер.

Томас ощутил, будто проходит сквозь вертикальную стену ледяной воды. В последнюю секунду закрыл глаза, а открыв, увидел лишь непроглядную тьму. Раздались голоса.

– Эй! – позвал Томас, даже не пытаясь подавить панику. – Ребята!..

Не успел он закончить, как споткнулся и упал. Прямо на кого-то.

– Ай! – вскрикнуло извивающееся в темноте тело и отпихнуло Томаса.

– Сохраняйте тишину и не рыпайтесь! – Минхо. Услышав его голос, Томас от облегчения чуть не закричал. – Это ты, Томас? С прибытием!

– Да! – Томас повел в темноте рукой, стараясь никого не сбить, однако всюду натыкался на пустоту. – Я прошел последним. Все уже тут?

– Мы построились и начали перекличку, когда ты ввалился сюда как бычара обдолбанный и сбил кого-то с ног. Давайте-ка заново! Первый!

Никто не ответил, и Томас крикнул:

– Второй!

За ним рассчитались и остальные, пока Эрис не назвал свой номер:

– Двадцатый!

– Порядок, – подытожил Минхо. – Мы все здесь. И ни хрена не видно.

Томас стоял смирно, слыша рядом дыхание парней и боясь сделать шаг в сторону.

– Жаль, нет фонарика.

– Спасибо, кэп, – ответил Минхо. – Слушаем сюда. Мы типа в каком-то коридоре, я с обеих сторон нащупал стены. Вы почти все от меня справа. Там, откуда пришел Томас, эта плоспердь. Постарайтесь не загреметь через нее обратно. Выход один: идите на мой голос. Будем шагать, пока не найдем хоть что-нибудь.

Договорив, Минхо повел колонну вперед: зашелестели подошвы, зашуршали мешки об одежду. Когда последний глэйдер отдалился на безопасное расстояние, Томас шагнул влево. Рука уперлась в холодную стену, и он пошел вслед за товарищами.

Никто не говорил, а Томас злился, что глаза никак не привыкнут к темноте – в загадочном коридоре было темно, хоть глаз выколи. Пахло старой кожей и пылью. Раз или два Томас натыкался на товарища спереди – на кого именно, он так и не узнал, потому как паренек даже не соизволил пожаловаться.

Ребята шли и шли. Тоннель все тянулся, ни разу не свернув ни вправо, ни влево. Только чувствуя камень под пальцами и пол под ногами, Томас не утратил ощущения реальности и движения. Иначе казалось бы, что он плывет в темноте космоса, ни на йоту не продвигаясь вперед.

Шаркали подошвы о бетонный пол, да изредка перешептывались глэйдеры. Ступая по бесконечному коридору, Томас чувствовал каждый удар своего сердца. Атмосфера жутко напоминала Ящик, полный спертого воздуха куб. Зато сейчас у Томаса были хоть какие-то знания и проверенные друзья. Он понимал расклад: нужно лекарство, и ради него придется пройти через многие ужасы.

Внезапно откуда-то сверху раздался шепот. Томас замер: шептались явно не глэйдеры.

Минхо в голове колонны скомандовал стоять, потом спросил:

– Все слышали?

Глэйдеры забубнили в ответ: да, мол, слышали. Последовали вопросы, а Томас тем временем обратил слух к потолку. Прозвучало всего несколько слов, и говорил как будто старый больной человек. Смысла фразы, впрочем, никто не понял.

Минхо наконец велел парням замолчать и слушать.

Вокруг царила кромешная тьма, однако Томас все равно зажмурился и напряг слух. Если шепот раздастся вновь, надо непременно уловить слова.

Не прошло и минуты, как старческий голос вновь заговорил. Эхо пронеслось по тоннелю будто из развешанных повсюду крупных динамиков. Впереди ахнули. По-прежнему не в силах разобрать ни слова, Томас зажмурился. Ничего не изменилось: вокруг была все та же темень. Плотная и непроглядная.

– Никто ничего не расслышал? – спросил Ньют.

– Всего пару слов, – отозвался Уинстон. – Типа: «Возвращайтесь назад», – в середине.

– Ага, точно, – подтвердил кто-то.

Томас напряг память. В середине фразы и правда прозвучало: «Возвращайтесь назад».

– Так, всем заткнуться и слушать внимательней, – приказал Минхо, и тоннель погрузился в тишину.

Когда голос зашептал в третий раз, Томас разобрал все до единого слога: «Последний шанс. Возвращайтесь назад, и вас не порежут». Судя по реакции впереди идущих, глэйдеры тоже все слышали.

– Не порежут?

– Как это понимать?

– Мы типа можем вернуться!

– Нельзя верить шанку, которого в темноте даже не видишь.

Томас старался не зацикливаться на угрозе. «И вас не порежут…» Дело плохо. Говорящего не видно. Так и с ума сойти недолго.

– Продолжай идти! – крикнул Томас Минхо. – Нельзя тут ждать. Идем!

– Погодите, – раздался голос Фрайпана. – Было сказано, что нам дается последний шанс. Давайте хотя бы обдумаем предложение.

– Точно, – согласился кто-то. – Может, реально стоит вернуться?

Томас, хоть его и не видел никто, покачал головой.

– Ни за что. Забыли, что сказал белый? Если вернемся, то умрем страшной смертью.

Фрайпан не сдавался.

– Он че теперь, главнее этого шептуна? Откуда мы знаем, кого слушать, а кого нет?

Правильный вопрос, однако Томас чувствовал: назад нельзя.

– Голос – это проверка, зуб даю. Надо идти дальше.

– Он дело говорит, – сказал наконец Минхо. – Давайте, идем.

Едва он договорил, как в воздухе пронесся шепот, исполненный какой-то детской ненависти: «Вы покойники. Вас порежут. Убьют и порежут».

Волосы на загривке встали дыбом, и по спине побежали мурашки. Томас боялся, что последуют новые призывы вернуться, однако глэйдеры опять удивили его.

Никто и слова не сказал; ребята двинулись вперед.

Минхо прав: ссыкуны давно отсеялись.

Парни все дальше углублялись во тьму. Воздух понемногу теплел и словно сгущался от пыли. Томас несколько раз закашлялся. Смертельно хотелось пить, но он не желал рисковать и развязывать импровизированный бурдюк вслепую. Прольешь воду на пол и не заметишь.

Вперед.

Все теплее.

Хочется пить.

Вокруг тьма.

Идти вперед.

Время еще никогда не тянулось так медленно.

Тоннель казался просто невероятным. С момента, когда голос во тьме прошептал последние угрозы, глэйдеры протопали пару миль как минимум. Где они теперь? Под землей? В утробе какого-нибудь массивного здания? Крысун говорил: надо искать выход на воздух. Как…

Где-то впереди, в нескольких десятках шагов, закричал паренек.

Удивленный поначалу крик перешел в полный ужаса визг. Несчастный вопил, срывая горло, захлебываясь, словно поросенок на живодерне. Слышно было, как он извивается на полу.

Томас инстинктивно рванулся мимо товарищей на жуткие, нечеловеческие крики. Он сам не знал, чем сумеет помочь, однако несся вперед, не заботясь о том, куда в темноте ставить ногу. После долгого и безумного перехода тело требовало действия.

Вот, добежал наконец. Парень извивался, борясь непонятно с кем.

Томас опустился на колени, аккуратно отставил пакетик с водой и мешок с припасами в сторону и робко потянулся вперед, намереваясь взять бедолагу за руку или за ногу. За спиной у Томаса столпились и другие глэйдеры. Он попытался отгородиться от их криков и вопросов.

– Эй! – громко обратился Томас к кричащему парню. – Что с тобой?

Он нащупал джинсы, рубашку. Их обладатель дико вертелся и крутился, и крики пронзали тьму с прежней силой.

Томасу надоело ждать, он рывком бросился на вопящего. От падения на извивающееся тело из него чуть не вышибло дух; в ребра врезался локоть, по лицу ударила рука, и в пах чуть не вонзилось колено.

– Прекрати! – прокричал Томас. – В чем дело?!

Крики перешли в бульканье, словно парня окунули в воду. Корчи, правда, ничуть не ослабли.

Упершись локтем и предплечьем в грудь товарищу, Томас потянулся к его голове. Но коснувшись того места, где по идее должны быть лицо или волосы, Томас пришел в недоумение.

Головы не было в принципе: ни волос, ни лица, ни даже шеи.

Вместо черепа Томас нащупал большой, идеально гладкий металлический шар.

Глава пятнадцатая

Следующие секунды выдались, мягко говоря, странными.

Едва Томас дотронулся до шара, как товарищ моментально притих. Руки и ноги безвольно упали на пол, тело расслабилось. В том месте, где полагалось быть шее, сфера покрылась густой липкой жидкостью. Это вытекала кровь, Томас чувствовал ее медный запах.

Шар выскользнул из-под пальцев и с глухим звуком откатился к стене. Глэйдер под Томасом лежал не шевелясь и абсолютно тихо. Прочие что-то кричали, спрашивали, но Томас их не слушал.

В груди поднялась волна страха, стоило представить, что произошло. Бессмыслица какая-то, хотя парень совершенно точно мертв. Ему отрезало башку или… превратило в металлический шар? Какого черта?! Разве такое возможно?

Голова закружилась, и Томас не сразу понял, что на руку ему вытекает кровь. Его передернуло.

Резко подавшись назад и вытирая руки о штанину, он закричал что-то нечленораздельное, оттолкнул руки товарищей и прижался к стене. Кто-то схватил его за рукав и потянул в сторону.

– Томас! – Минхо. – Томас, в чем дело?

Томас попытался успокоиться и мыслить здраво. В груди сдавило, подступила тошнота.

– Я… не знаю. Кто это был? Кто орал-то?

– Фрэнки, – дрожащим голосом ответил Фрайпан. – Кажется. Он шел совсем рядом со мной. Хотел рассказать анекдот, и его дернуло в сторону. Да, точно, это был Фрэнки.

– Так что случилось? – повторил Минхо.

Томас все вытирал и вытирал ладони о штаны.

– Я… – Он глубоко вздохнул. Темнота сводила с ума. – Я услышал, как Фрэнки орет, и бросился на помощь. Пытался успокоить его, потянулся к голове. Хотел ухватить за щеки, сам не знаю почему, но когда прикоснулся… в общем, вместо головы у Фрэнки был…

Договорить Томас не смог. Правда сейчас казалась абсурднее любой выдумки.

– Что? – прокричал Минхо.

Застонав, Томас выдавил:

– Большой… железный шар. Я сам не врубился, чувак, просто мне так показалось. Будто голову Фрэнки откусил… большой железный шар!

– Ты че несешь?! Какой шар?

Как же убедить Минхо и всех остальных, что он, Томас, не лжет?

– Когда Фрэнки перестал орать, ты не слышал? Не слышал, шар откатился в сторону? Понимаю, это…

– Оно здесь! – прокричал Ньют, и Томас вновь услышал глухой звук, с каким металл трется о камень. Кряхтя от натуги, Ньют подкатил шар поближе к толпе. – Я слышал, как оно катилось. Черт, влажное, липкое. В крови, по ходу…

– Какого кланка… – прошептал Минхо.

– Оно большое? – Подошли остальные глэйдеры и наперебой стали задавать вопросы.

– Молчать! – гаркнул Ньют, и когда наступила тишина, ответил: – Не знаю, не видно.

Слышно было, как он на ощупь пытается определить размеры шара.

– Эта хрень стебанутая гораздо больше головы. Идеальная сфера, гладкая.

Томас никак не мог прийти в себя. Его мутило, хотелось одного: скорее покинуть коридор, выбраться на свет.

– Надо бежать, – сказал он. – Уходить отсюда. Скорее.

– А может, все-таки вернемся? – Кто говорил, Томас не понял. – Хрен с ним, с шаром. Старик предупреждал нас, и вот – Фрэнки отсекло башку.

– Хренушки! – злобно возразил Минхо. – Ни за что. Томас прав, хватит фигней страдать. Бежим, дистанция – два шага. Пригнитесь, и если что-то пронесется мимо головы – бейте по нему со всей дури.

Спорить никто не стал.

Быстро отыскав свои припасы, Томас занял место в колонне, уже не в хвосте. Ребята, не сговариваясь, будто единый организм, построились и помчались вперед. Томас предпочел не тратить времени на раздумья, на то, чтобы прийти в себя. Он бежал со всех ног, как не бегал даже в Лабиринте.

Пахло потом и пылью. От крови руки сделались липкими. Вокруг по-прежнему было темно.

Томас продолжал двигаться вперед.

Смертоносный шар убил еще одного, незнакомого Томасу паренька, бежавшего совсем рядом. Чиркнул металл о металл, несколько раз громко щелкнуло, и раздались вопли.

Никто не остановился. Наверняка произошло нечто ужасное, но колонна продолжала бег.

Когда наконец вопли перешли в бульканье, на бетонный пол с громким стуком упала металлическая сфера – и откатилась к стене.

Не замедляясь ни на секунду, Томас бежал дальше.

Он рывками глотал пыльный воздух, сердце ?хало в груди, и легкие уже начали болеть. Сколько времени прошло, как далеко глэйдеры от места первой трагедии? Когда Минхо велел остановиться, облегчение Томас испытал неописуемое. Усталость вытеснила страх перед шарами-убийцами.

Слышалось тяжелое, несвежее дыхание. Фрайпан оклемался первым.

– Почему остановились?

– Я чуть костыли не сломал! – ответил Минхо. – Здесь типа ступеньки.

Томас задавил родившуюся было надежду. Он поклялся ни на что не надеяться до конца Испытаний.

– Так давай подниматься! – слишком уж радостно крикнул Фрайпан.

– Думаешь? – отозвался Минхо. – Что бы мы без тебя делали, Фрайпан? Серьезно.

Послышались тяжелые шаги, металлический звук. Вожак поднимался по железной лестнице. Не прошло и нескольких секунд, как топот умножился – на ступени взошли остальные.

Когда дошла очередь до Томаса, он споткнулся и чуть не разбил колено. Машинально выставив перед собой руку, едва не лишился пакетика с водой. Затем, вернув себе равновесие, начал взбираться по лестнице, то и дело перемахивая через две ступеньки за раз. Кто знает, когда нападет очередной шар-убийца. Безнадега безнадегой, а выбраться из кромешной тьмы не терпелось.

Сверху донесся непонятный шум и все тот же металлический звук.

– Ай! – вскрикнул Минхо.

Столкнувшись друг с другом, охая и ахая, глэйдеры встали.

– Ты как? – спросил Ньют.

– Ты… во что врезался? – тяжело дыша, позвал Томас.

– В потолок, черт его задери, – раздраженно ответил Минхо. – Все, приехали, крыша. Дальше некуда… – Не договорив, он провел руками по потолку и стенам. – Стойте! По ходу, я нашел…

Громкий, отчетливый щелчок заглушил последние слова лидера, и мир потонул в чистом пламени. Сверху лился обжигающий, слепящий свет. Вскрикнув, Томас зажал глаза руками. Выронил пакет с водой. Ах, черт!.. После такой плотной тьмы свет бил по глазам даже через ладони. Сопровождаемый волной жара, он – сквозь пальцы и веки – казался оранжевым.

Тяжело скрипнуло, затем щелкнуло, и вернулась тьма. Томас осторожно опустил руки; перед глазами плясали ярчайшие солнечные зайчики.

– Чтоб меня, – ругнулся Минхо. – Мы нашли выход, но это выход на самое пекло! Снаружи чертовски светло и жарко.

– Давай-ка приоткроем люк самую малость, чтобы глаза привыкли к свету, – предложил Ньют и поднялся ближе к Минхо. – Вот рубашка, просунь ее в щель. Всем закрыть глаза!

Томас послушно зажмурился и прижал руки к лицу. Снова сверху полился поток оранжевого света. Процесс пошел. Спустя минуту Томас, щурясь, приподнял веки – в глазах по-прежнему плясали миллионы «зайчиков», однако выносить их стало легче. Спустя еще пару минут зрение наконец адаптировалось.

Томас стоял примерно на двадцать ступенек ниже Минхо и Ньюта – те сгорбились прямо под дверцей люка в потолке. Три линии света, разорванные лишь тенью рубашки, заткнутой в правый угол, обозначали границы выхода. Все вокруг: стены, ступени и сама крышка люка – было сделано из тускло-серого металла. Внизу лестница уходила в чернильную темень. Глэйдеры поднялись много выше, чем думал Томас.

– Никто не ослеп? – спросил Минхо. – У меня зенки – как жареный зефир.

Томас испытывал примерно то же: глаза жгло, они зудели и слезились. Товарищи вокруг терли веки.

– Что снаружи? – спросил кто-то.

Прикрывшись ладонью и выглянув в щель под люком, Минхо пожал плечами.

– Толком не видно. Свет слишком яркий. Мы, по ходу, реально на солнце. Людей поблизости нет. – Он чуть помолчал. – И шизов тоже.

– Так давайте выбираться отсюда, – предложил Уинстон, стоявший на две ступени ниже Томаса. – Я лучше на солнце поджарюсь, чем позволю откусить себе башку какому-то металлическому шару. Айда!

– Ладно, Уинстон, – согласился Минхо. – Только не снимай с башки трусики. Я ждал, пока наши глаза привыкнут к свету. Сейчас распахну люк, приготовьтесь. – Он поднялся к самой крышке и надавил на нее правым плечом. – Раз. Два. Три!

Кряхтя, Минхо выпрямился. Вниз опять полилась волна света и жара. Резко опустив взгляд, Томас прищурился. Всего несколько часов под землей, а свет уже кажется нестерпимым. Вот это яркость!

Услышав сверху звуки возни, Томас поднял голову: Минхо и Ньют уходили через квадрат слепящего солнечного света. Лестничный колодец за это время успел прогреться как печка.

– Ай, черт! – поморщился Минхо. – Тут какая-то подстава, чувак. Кожу жжет!

– И правда, – подтвердил Ньют, потирая шею. – Стоит ли сейчас вылезать? Может, подождем, пока солнце сядет?

Глэйдеры принялись ныть и жаловаться, но их стоны оборвал крик Уинстона:

– Ого! Берегись! Осторожней!

Томас обернулся.

Пятясь, Уинстон указывал на потолок – там, подобно крупной слезе, набухал шарик жидкого серебра. На глазах у глэйдеров он разрастался, сотрясаемый легкой дрожью, потом – никто и пискнуть не успел – сорвался вниз.

Но вместо того чтобы расплескаться о ступени, шар вопреки законам физики поплыл по воздуху. Прямо на Уинстона. Парень дернулся и, оступившись, полетел на дно колодца, кувыркаясь и оглашая тоннель отчаянным криком.

Глава шестнадцатая

Сдерживая тошноту, Томас бросился вслед за Уинстоном. Зачем? Помочь? Или просто из любопытства? Томас и сам не ответил бы.

Уинстон наконец остановился. Он лежал на одной из ступеней, посреди темной бездны, прижимая руки к лицу. Яркий свет выделил все до последней детали. Капля жидкого серебра уже покрыла Уинстону макушку и, словно очень густой сироп, опускалась все ниже и ниже, к ушам и линии бровей.

Томас перепрыгнул через Уинстона на ступень ниже. Куратор Живодерни пытался оттянуть растекающийся по голове металл. Как ни странно, получалось. Правда, вопил Уинстон на пределе сил и не глядя лягал стену.

– Снимите его с меня! – задушенно проорал Уинстон, и Томас чуть не сдался и не попятился. Если жидкое серебро причиняет такую нестерпимую боль…

Оно походило на очень плотный гель, упрямо и настойчиво стекающий вниз по лицу Уинстона. Стоило парню оттянуть металл от глаз, как он просачивался между пальцами и продолжал течь вниз. Освобожденные участки кожи покрывались краснотой и волдырями.

Выкрикивая нечленораздельные фразы, Уинстон будто матерился на неизвестном языке. Надо было что-то делать. Времени почти не осталось.

Скинув с плеч мешок и высыпав из него содержимое, Томас обмотал простыней руки. Потом, когда Уинстон в очередной раз оттянул серебро от бровей, Томас ухватился за жидкий металл по бокам, там, где уши. Сквозь простыню почувствовался жар, будто руки вот-вот загорятся. Томас уперся ногами в ступени и дернул.

С неприятным сосущим звуком края будущего металлического шара приподнялись на пару дюймов, а после вновь потекли Уинстону на уши. Уинстон – просто невероятно – заорал еще громче. На помощь спустились несколько парней, но Томас велел не подходить, опасаясь, как бы ему не оказали медвежью услугу.

– Давай вместе! – прокричал он Уинстону, хватаясь за края шара, на этот раз крепче. – Уинстон! Давай вместе! Схвати его и оторви от черепа!

Уинстон будто не слышал. Извивался всем телом, и если бы не Томас, давно скатился бы на дно колодца.

– На счет «три», Уинстон! На счет «три»!

Уинстон визжал, брыкался, бил себя по голове.

На глаза навернулись слезы. Или просто пот со лба? Глаза жгло от соленой влаги. Воздух прогрелся градусов, наверное, на миллион. Мышцы болели, и ноги начало сводить судорогой.

– Давай! – прокричал Томас, позабыв о себе. – Раз. Два. Пошел!

Схватившись за края массы, он ощутил ее твердость и податливость, рванул что было мочи. То ли Уинстон все-таки услышал его, то ли им повезло – но парни налегли одновременно. Уинстон уперся в шар основаниями ладоней, словно хотел оторвать себе лоб, и серебристая капля отошла от головы целиком.

Не теряя ни секунды, Томас перебросил ее через себя и обернулся посмотреть.

На лету капля серебра вновь приобрела сферическую форму, ее поверхность коротко вздрогнула и затвердела. Шар повис в воздухе на несколько ступеней

ниже глэйдеров, словно глядя на прощание на свою жертву и пытаясь сообразить, что пошло не так, затем пулей унесся вниз, в темноту колодца.

Шар исчез, решив не атаковать повторно.

Судорожно глотая воздух и чувствуя, как из каждой поры обильно сочится пот, Томас привалился к стене. Он боялся взглянуть на Уинстона: тот ныл позади. Ну хотя бы кричать перестал.

Наконец Томас собрался с силами и посмотрел на товарища.

Уинстон лежал, свернувшись калачиком. Его голова превратилась в месиво: волос как не бывало, только одна большая кровоточащая плешь; уши порваны, изрезаны, однако на месте. Уинстон продолжал всхлипывать от боли, а возможно, и от пережитого шока. Прыщавые участки кожи выглядели куда свежее и чище по сравнению с теми, которые зацепила серебряная капля.

– Ты цел? – спросил Томас. Ничего умнее он сейчас придумать не мог.

Дрожа, Уинстон коротко мотнул головой.

Чуть выше на лестнице стояли Минхо, Ньют, Эрис и прочие глэйдеры. Томас не видел оттененных ярким солнцем лиц, но различал выпученные глаза – как у кошек, пораженных внезапной вспышкой света.

– Это че за хренотень была? – спросил Минхо.

Не в силах говорить, Томас лишь устало покачал головой. За него ответил Ньют:

– Магическая капля, которая к чертям откусывает головы.

– Высокотехнологичная фигня, – произнес Эрис. Ну наконец-то, вынес первое суждение в общем разговоре. Новичок оглядел удивленные лица и смущенно пожал плечами. – В голове вертятся обрывки памяти, я знаю, что есть нечто навороченное, крутое. Только про шары из жидкого металла, отъедающие части тела, не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/dzheyms-deshner/ispytanie-ognem

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити